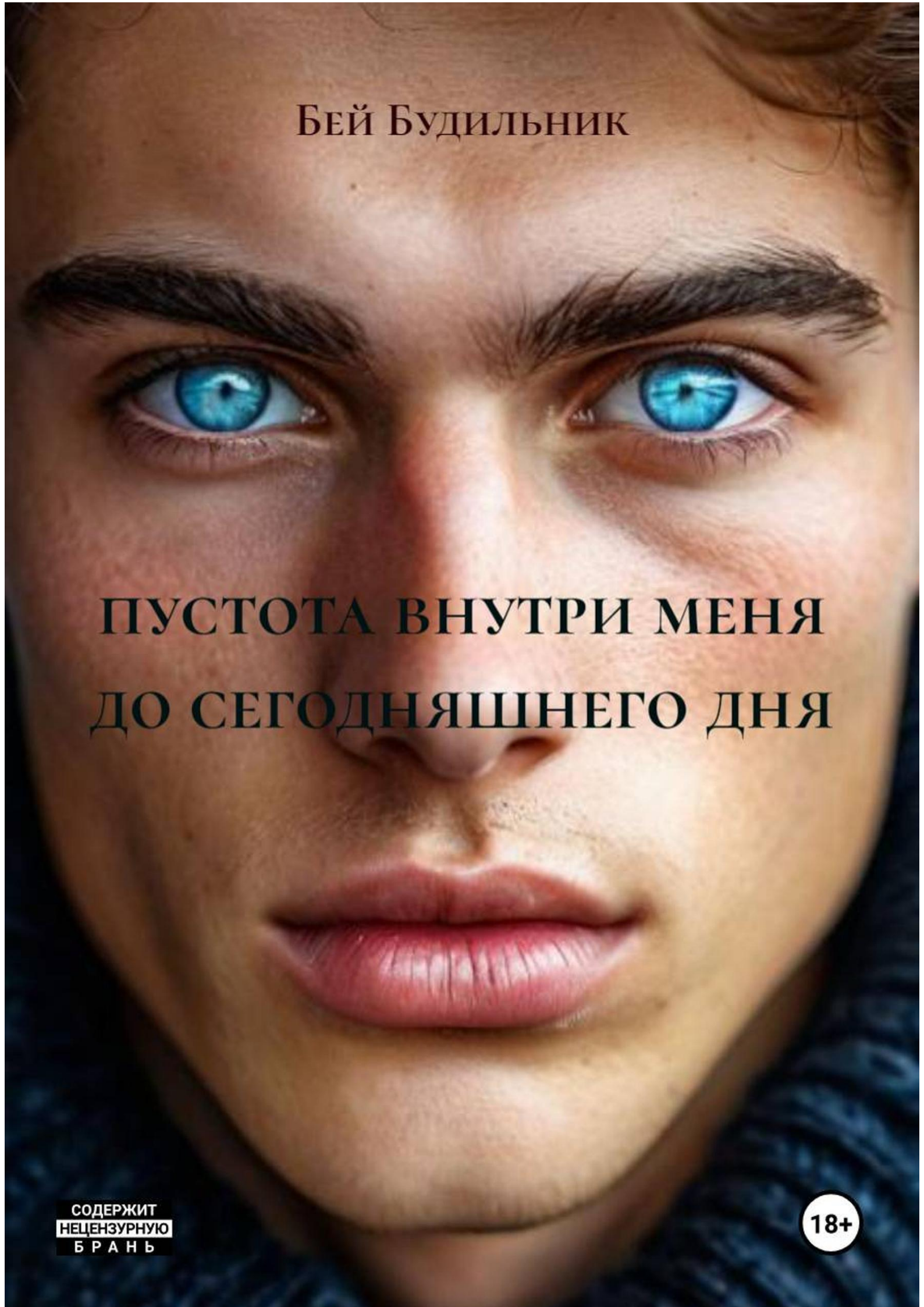

A close-up portrait of a young man with light skin, dark eyebrows, and striking blue eyes. He is looking directly at the camera with a neutral expression. The background is dark and out of focus.

БЕЙ БУДИЛЬНИК

ПУСТОТА ВНУТРИ МЕНЯ
ДО СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Бей Будильник

**пустота внутри меня
до сегодняшнего дня**

«Автор»

2026

Будильник Б.

пустота внутри меня до сегодняшнего дня / Б. Будильник —
«Автор», 2026

Два года прошло с той ночи, которая расколола его жизнь на «до» и «после». Савелий Алексеев сменил город, школу, друзей. Теперь он просто Савелий — молчаливый одиннадцатиклассник, который работает в автосервисе, дрейфует по ночам и пытается забыть прошлое. Кажется, еще немного — и он сможет дышать свободно. Но прошлое решает вернуться первым. В новой школе его встречают те, кого он когда-то считал семьей. Кирилл, которого Савелий называл братом, теперь смотрит с ледяной ненавистью и требует забыть его имя — словно их детство, футбольные тренировки и ночные разговоры ничего не значили. Арина — девушка, в которую он был когда-то влюблен, — живет с болью, которую он сам же и причинил. Савелий сам разрушил свою старую жизнь. Но судьба дает ему шанс все исправить. Вот только как вернуть дружбу, если тебя готовы уничтожить за одно только твое существование? Прошлое не прощает. Но, может быть, оно дает второй шанс тем, кто готов заплатить высокую цену.

© Будильник Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	37
Глава 7	41
Глава 8	44
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

пустота внутри меня до сегодняшнего дня

Глава 1

Сегодня прекрасная солнечная погода. Конец августа, а на улице листва еще оставалась зеленой, будто лето и не собиралось уходить. Солнечные лучи греют душу, а теплый ветерок скользил по улицам старого района, шевеля траву в трещинах асфальта, а также колыхал темные волосы, словно черная ночь, молодому водителю. А где-то вдалеке от гоночной машины в глухом, в этом старом районе города среди домов «народная стройка» и оставшихся древних барачков доносились крики и шум как кто-то за кем-то бежит и орет.

В машине настуж открыты окна, а задумавшийся молодой человек за рулем наслаждался лучами солнца, которые не просто грели его, а проникали внутрь.

Задние окна, а также заднее лобовое в ночь тонированы. Также на окнах внутри есть шторы, которые должны закрывать от солнца.

Машина, в которой он сидел – это не просто обычное средство передвижение, а гоночная праворульная машина. Это марк, а точнее фиолетовый с перламутровым переливом Тойота марк II. Машина выглядит так, как будто прямо сейчас будет гонять на японских гонках. Ее вид очень хороший и со стороны может показать, что где-то тут сейчас будет проходить выставка модных гоночных автомобилей. Спереди и по бокам машины находились различно рода обвесы на машины, казалось, она занижена и практически ползет по асфальту, словно хищник, прижавшийся к земле перед рывком. На багажнике сзади был приделан «спойлер на багажник». Этот элемент, который находится на самом багажнике и может улучшать аэродинамику, а может его хозяин этой деталью хотел приукрасить вид своей машины. Данный Mark никак не вяжется с тем местом, где он сейчас стоял. Эта машина выглядела чужеродно. Как если прийти на похороны в свадебном пышном белом платье.

Внутри – все было странно. Два передних сиденья в машине красного цвета, выглядят так будто стащили из гоночного симулятора в детском клубе. Коврики в машине окрашены в красно-черные квадраты, а вот задние сиденья были из бежевой кожи, они были не гладкими, а скорее состоящие из вертикальных гладких бежевых кожаных полосок сантиметров по пятнадцать. Немного смотрится нелепо, но пара пушистых подушек в красном и черном тонах делают задние места уютнее. Машина была собрана из противоречий — как и её хозяин.

За рулем сидел мужчина в белой майке с открытыми плечами и татуировкой, уходящей с левого предплечья на спину. Водитель потянулся левой рукой к маленькой полочке под старым экраном и кассетным проигрывателем. Мускулистая рука, загорелая, с напряжёнными сухими мышцами, нащупала леденец. Он начал разворачивать зелёный леденец, когда тишину разорвал шум — крики, тяжёлые шаги, хаотичный гул.

Он поднял взгляд и вышел из состояния отрешенности поглядывая по сторонам, а затем посмотрев в зеркала заднего вида он увидел бегущую парочку.

По улице держась за руки бежали два человека.

Парень и девушка. Похожие слишком сильно друг на друга.

Лица у них были разными и в то же время пугающе похожими. Те же скулы, та же линия носа, одинаковый разрез глаз. Кожа светлая, с лёгким румянцем и россыпью едва заметных веснушек на носу и скулах. У них одинаковые глаза — большие, светло-зелёные, с холодным, почти стеклянным оттенком, который был замечен в обычное время, но сейчас их глаза были напуганы, зрачки расширены, в глазах читался животный страх.

Красные волосы делали их заметными. Не ярко-рыжие, не огненные — а насыщенно-красные, глубокого искусственного алого оттенка, который подчёркивал светлую кожу и усиливал контраст с зелёными глазами.

У парня волосы были короткими, слегка растрёпанными. У девушки — длинные, завязанные в высоких хвост, который уже растрепался из-за их побега.

Сейчас они отличались от себя обычных. Он — сдерживался и сводил челюсть, пытаясь быть холодным, у нее — на лице была виднелась усталость, страх, будто она сейчас вот-вот упадет и заплачет.

Они держались за руки, будто это было единственное, что не давало им развалиться. Он бежал чуть впереди, не отпуская её руку, задавая темп. Она — на полшага позади, уже задыхаясь, но не позволяя себе остановиться.

Парень — худощавый, спортивный, лет шестнадцати или семнадцати. Его телосложение худощавое, но при этом спортивное, сразу видно, что человек привык много двигаться, но при этом у него нет этой излишней массивности. Его рост около 190 сантиметров, плечи не широкие и не узкие для его телосложения. В его внешности чувствовалась сдержанная сила, спокойствие человека, привыкшего брать ответственность. Зелёные глаза сейчас напуганы, ищут выход из ситуации, когда в обычное время в них чувствуется жизнь и лишь изредка бывает спокойствие.

Короткие взъерошенные красные волосы были сырыми настолько что с них капала вода. На нем футболка приглушенного бежевого-серого оттенка, будто на размер больше, она как и его волосы была мокрая, но не полностью, в области лопаток на спине и немного в зоне воротника. Ткань на футболке образует складки, которые при движении развиваются как волны, подчеркивая расслабленность. Рукава доходят почти до локтей, добавляя образу небрежности и легкости. Шорты свободные чуть ниже колена темно-синего цвета. Они контрастируют с мягкостью верхней части образа, создавая ощущение комфорта. Через плечо перекинута черная сумка на широкой лямке. Она пересекает грудь диагонально, добавляя динамики силуэту и подчеркивает городской стиль. На ногах черные кеды с белыми полосками, а также белые длинные носки.

Он явно нервничает, но бежит и пытается не подавать виду, что у него глобальные проблемы и если он прямо сейчас не решит куда им скрыться, то их бегство ни к чему хорошему не приведет. Если бы он дал слабину и занервничал, его спутница скорее всего уже бы сдалась и не бежала рядом с ним.

Парниша то и дело оглядывается, оценивая обстановку, чтобы понять, что им делать и где сейчас скрыться. Он прекрасно понимает, что в данный момент они могут надеяться только наудачу, видя, как его спутница уже задыхается и перебирает ногами и находится награнице того, чтобы сейчас свалится замертво, ведь у нее больше нет сил бежать.

Он бежал изо всех сил, не позволяя себе паниковать. Потому что знал: стоит ему сломаться — сломается и она.

Девушка рядом была его зеркалом и противоположностью одновременно.

Девушка со стройным и пропорциональным телом, тонкой талией, аккуратными плечами, стройными ногами — нежная и притягательная девушка на вид ровесница парня, в черном сарафане с белыми рукавами. Сразу видно эта девушка создана не для драк и бегства. Основа ее платья состоит с нежным рассыпным узором — мелкие цветочки в белых, темно-синих и светло-желтых оттенках. Корсетная часть платья плотно облегает талию, подчеркивая изящество. Спереди аккуратная шнуровка, тонкие ленты перекрещиваются, добавляя нотку старинной романтики. Над корсетом видна белоснежная вставка из тонкой, но не прозрачной ткани — она мягко собирается у груди создавая ощущение скромности и нежности одновременно. Рукава пышные, объемные из легкой ткани, они обнажают линию ключицы. Манжеты аккуратно собраны, благодаря чему рукава сохраняют форму воздушности. Плечи ее обрамляют узкие бретели — не просто функциональная деталь, а тонкий штрих удерживающий весь образ. Они сшиты из той же части что корсет и верхний слой юбки, украшены тем же цветочным узором, и мягко ложатся на кожу. Юбка платья короткая, но многослойная. Верхний

слой мягко расходится при движении, открывая нижнюю юбку с кружевной каймой. Белое кружево выглядит снизу, придавая наряду игривость. Её дыхание уже сбивалось, шаги становились короче, ноги путались. Она держалась за правый бок, словно пыталась удержать внутри себя воздух.

Её волосы — красно-алые, с небольшими черными прядями, длинные, собранные в небрежный хвост, из которого выбивались пряди и липли к вспотевшему лицу. Глаза девушки сейчас расширены от ужаса, ресницы слиплись, губы приоткрыты — она буквально хватает воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Вдруг, красно волосый парень замечает необычную машину для этой местности и задумывается *«наверное какой-то приезжий заблудился или кого-то ждет. Была не была, сил нет и времени придумывать что-то еще тоже. ещё немного — и она упадёт»* обернулся он на свою сестру.

Парочка подлетела к машине, не всматриваясь кто там внутри, а в основном таращась в ту сторону, из которой только что прибежала. У них нет сил и это их последняя крупинка надежды на спасение. Запыхавшийся красно волосый паренек спрашивает:

— Здо... Здорово, приятель. Можешь нас подкинуть до какого-нибудь ТЦ?

В то время как его спутница стояла и держала себя за правый бок, глотая воздух, будто сейчас задохнется.

— Нет. Я не такси, — грубо ответил водитель, давая понять, что не настроен разговаривать. Потянулся заводить машину, чтобы уехать как можно скорее.

Молодой человек на улице стоявший рядом с машиной, сжимал руку своей сестры так, что костяшки на руках белели от силы. Он сам уже задыхался от такой пробежки, но быстро пытался придумать что сказать дабы водитель их все-таки взял. В этот момент из-за поворота стала выглядывать, а точнее бежать с битами группа устрашающих лиц.

«человек десять? Все с битами? Что сделали эти ребята? Нахрена за двумя хилыми подростками охотится такая группировка, да еще и с битами. Блять. Я не хочу, чтобы их прикончили на моих глазах, но и проблемы мне не нужны...» — подумал суровый водитель, а после выругался в слух:

— Блять. Ну что за хуйня? — он тяжело вздохнул — Эй, вы двое, — крикнул он. — У вас три секунды, чтобы запрыгнуть на задние сиденья.

Близнецы застыли, вцепившись друг в друга, и уставились на приближающуюся толпу. В этот момент страх оказался сильнее разума — ноги будто вросли в асфальт.

Водитель не выдержал и сказал:

— Одна секунда прошла. Садитесь, или я уматываю один, — его голос был грубым и тяжелым.

Двое испугавшихся ребят пришли в себя и буквально запрыгнули на задние сидения. Как только дверь захлопнулась мужчина в белой майке дал тапкой в пол, и они с оглушительным ревом машины поехали по этому старому району, оставляя позади крики, гул шагов и, судя по всему, негодование преследователей.

Двое, побледневших ребят, сидели стиснув зубы и схватившись за руки так сильно, что кожа на их руках побелела и могло показаться, что кто-то кому-то может сломать случайно руку. Близнецы по очереди поглядывали в окно заднего вида как далеко они уже оторвались от этой шайки.

Спустя пару минут они пришли в себя и их дыхание выравнилось. Красноволосый парень с еще влажными волосами от пота стал рассматривать с кем он все-таки едет в машине и что это за машина. Он никогда раньше не ездил на чем-то подобном, всё внутри казалось необыкновенным: яркие сиденья, низкая посадка, глухой рёв двигателя, и для него увидеть такое было в новинку.

Посмотрев на свою сестру и переглядевшись с ней, он понял, что она тоже немного в шоке от интерьера машины внутри, а также девушка невзначай скосила взгляд вперёд, на руку водителя, и, едва заметно, кивнула указывая видневшуюся татуировку парня за рулем. Они не понимали сколько ему лет, ведь его плечи были довольно широкие, а руки достаточно накачанные, как если бы они зашли в качалку или клуб местных футболистов или боксеров.

Водитель хоть и смотрел на дорогу, но краем глаза заметил, что девушка смотрит на него и специально подшутив над незнакомцами напряг левую руку, дабы испугать и показать силу перед этими двумя. Если бы девушка знала, что водитель делает это специально, то назвала бы его позером.

На левой крепкой накачанной руке водителя виднелась татуировка – начиная с предплечья тянутся тонкие черные линии, напоминающие ветви или трещины на старом мраморе, поднимаясь выше, к бицепсу и плечу линии становятся гуще, они переплетаются, обвивают мышцу, подчеркивая ее форму, даже когда рука находится в расслабленном состоянии. Именно тут девушка задержала свой взгляд на татуировке, она изучала каждый изгиб, каждый переход тени.

Вспотевшая девушка с растрепанным хвостом сидела левее от своего брата и обзор у нее на водителя был куда лучше, но все же кресло водителя не позволяло рассмотреть татуировку дальше, поэтому ей оставалась лишь рассматривать то, что попадает в ее поле зрения и догадываться *«а что же находится там дальше»*. Она не видела полностью лица водителя лишь немного его профиль, подбородок был четко выражен, также она заметила небольшую горбинку на его носу. Ей хотелось еще немного рассмотреть его и понять сколько все-таки человеку везшего их лет. Она пыталась угадать возраст, придумать образ, понять, кто он вообще такой. Как только девушка решила задать вопрос невзначай *«кто он такой? Он гонщик?»* и все в этом духе как водитель Марка резко затормозил и сказал:

— Все. Приехали. Выметайтесь. — голос звучал грубо и равнодушно, будто речь шла не о людях, а о лишнем грузе, чтобы больше не впутываться в неприятности. Всю дорогу водитель размышлял брать с них моральную компенсацию или нет, и стоит ли вообще брать ли хоть копейчку за проезд, но пораскинув мозгами он пришел к выводу: *«Пиздец сказал отец - когда пиздец, так что поскорей бы они свалили и все. Чем меньше жоп, тем чище воздух»*.

— Эй, подожди, — парень огляделся. — Это же далеко от ТЦ.

Девушка смотрела в окно и не совсем понимала, где они вообще находятся.

— Я разве не говорил, что я не такси? Выметайтесь и скажите спасибо, что вообще увез, — бросил водитель, ни разу не повернувшись.

Парочка снова переглянувшись, не стала спорить.

Худощавый парень открыл дверь и выползая из машины немного заминаясь:

— Этт... спасибо, что помог.

— Да, спасибо тебе. Если бы не ты... — начала девушка, но брат взглядом приказал молчать.

— Сколько мы должны? — спросил он.

— Наличка есть?

— Эм... нет.

— Тогда ничего не надо. Валите.

Девушка вылезла, парень захлопнул дверь. Водитель снова нажал на газ и уехал, не желая оставаться рядом ни секунды.

Они остались одни.

Молодые люди огляделись и поняли, что они находятся на парковке у озера рядом с городом, пешком до ближайших магазинов и самого города минут 10-15 пешком, а до места сходки с друзьями весь час, если не больше.

Местность рядом с озером как из романтических фильмов. Парковка находится на возвышенности с одной стороны от стоянки сразу же проходит дорога, а с другой стороны лавочки, красивый вид на озеро и деревянная лестница ведущая к пляжу и самому озеру. Озеро длинной по береговой линии около трех километров, нет вот маленькое и не Байкал. Вокруг самого озера сделали парк, так что тут много лавочек, раздевалок, лестниц и пешеходных деревянных дорожек.

Они на секунду задержали взгляды друг на друге, будто пытаясь убедиться, что всё произошедшее действительно было реальностью. Первой заговорила она:

— Вень... тебе не кажется, что это был чересчур эмоционально нестабильный день? — произнесла Алла неожиданно спокойно. — Нам срочно нужно выпить. Вино. Или пиво. А лучше что-нибудь покрепче.

И не дожидаясь ответа, она резко присела на корточки, прижала колени к груди, обхватила их руками и уткнулась лбом в собственные колени. Тишина длилась всего пару секунд — а потом её будто прорвало.

— Что за пиздец сегодня вообще был?! — выкрикнула она сквозь слёзы, уже не пытаясь держаться. — Сначала эти утырки из семнадцатой, а потом ещё этот парень в машине...

Голос срывался, слова путались.

— Даже не знаю, кто хуже, — продолжала она, захлёбываясь. — Эти уроды... или тот непонятный тип, который нас подвёз.

Вениамин стоял рядом, не зная, куда деть руки и взгляд. Он неловко опустился рядом, осторожно потянулся, чтобы погладить её по спине, но Алла резко вскочила, ткнула в него пальцем и заговорила быстро, сбивчиво, будто боялась замолчать хоть на секунду.

— Ты видел его татуировку? — выпалила она. — Такая странная... корни какие-то. Кто вообще бьёт себе корни на руке? Хотя не в этом даже дело. А если бы он оказался психопатом? Голос у него... жуткий. Он точно не лучше тех отморозков.

Она замолчала на долю секунды, будто переводя дыхание, а потом устало добавила, уже тише:

— Я так устала, Вень. Я больше не могу. Мы живём в каком-то дурдоме. Почему мы просто не можем перевестись или переехать?

После этого её поток слов уже не поддавался контролю. Алла говорила без остановки — пять минут подряд, может больше. Логика терялась в её словах, мысли перескакивали одной на другую. Она уже не вспоминала и не проклинала сегодняшний день, а просто вспоминала самое худшее, что произошло с ней за её жизнь. Сегодня у неё случился эмоциональный срыв, который нужно было пережить каким-то образом и ей и Вене.

Стоило Вениамину открыть рот, как она начинала говорить ещё быстрее, словно боялась, что тишина и голос брата могут разрушить её изнутри.

Он смотрел на свою близняшку и чувствовал опустошение внутри, ту же тревогу. Только в отличие от неё, он держал это в себе. Он понимал: стоит ему сейчас дать слабину — Алла не успокоится вообще.

Снаружи он выглядел собранным и спокойным. Внутри — был так же растерян. Волнение за сестру было сильнее, чем произошедшее за последние несколько дней.

Наконец он просто молча взял её под руку.

— Пойдём, — тихо сказал он. — Сядем на скамейку. Отдохнём немного.

Он хотел добавить, что их ждут ребята. Хотел сказать что-то ободряющее. Но, глядя на Аллу, понял — сейчас это не имеет значения.

«Минут через тридцать подойдём. Или вообще потом. Да и похуй на друзей, — мелькнуло у него в голове — Кир и Тим поймут. Надо только написать им».

И он повёл её в сторону скамейки, стараясь идти медленно — так, чтобы Алла от истерики не упала.

Ее лицо полностью покрылось слезами, а ноги от стресса уже подкашивались.
Глаза Вениамина были красными, но он держался и не плакал, глядя на свою сестру.

Глава 2

После того, как водитель дал газу на своей фиолетовой с перламутровым переливом иномарке от незнакомой парочки, у него на левом переднем сиденье зазвонил телефон.

Трубку взял молодой человек с ярко-голубыми глазами — такими, в которых легко утонуть, если задержаться взглядом дольше положенного. Их холодный оттенок особенно выделялся на фоне длинных чёрных ресниц, густых и изогнутых, словно их и вправду кто-то аккуратно завил. Взгляд у него был внимательный и раздражённый, с той самой спокойной уверенностью, которая без слов давала понять: с этим человеком лучше не играть и не проверять границы. Брови прямые, плотные, с минимальным изгибом. Они усиливают ощущение строгости и недовольства лица.

Черты лица были чёткими и выразительными. Лицо ближе к вытянутому ромбу или узкому овалу, с выраженным сужением к подбородку. Линия роста волос подчёркивает вертикальность лица, усиливая ощущение вытянутости. Высокие скулы, острые, хорошо выраженные, заметно выступающие придают облику резкость, а нос с лёгкой горбинкой не портил его, а, наоборот, подчёркивал мужественность и делал лицо запоминающимся.

Губы полные. Контур чёткий, уголки губ слегка опущены, что создаёт выражение отстранённости. Подбородок узкий, заострённый, заметно выступающий вперёд. Линия челюсти чёткая, с резким переходом к подбородку. Нижняя часть лица выглядит напряжённой и собранной, словно постоянно находится в состоянии внутреннего контроля.

Волосы — густые, чёрные, с естественным блеском — были подстрижены так, что длина плавно сокращалась от макушки к шее. Обычно пряди мягко спадали вперёд, формируя челку, которая могла слегка касаться глаз и закрывала лоб. С ней его лицо менялось: взгляд становился незаметным, будто он нарочно прятался от мира, выбирая оставаться в тени и не подпускать никого слишком близко.

Но сейчас волосы были зачёсаны назад, открывая лоб и позволяя рассмотреть его черты в полной мере. В таком виде он казался старше, строже и опаснее — словно перед тобой стоял совсем другой человек.

Будто сама причёска отражала две стороны одной личности: с зачёсанными назад волосами — тот, кто не боится быть собой и внушает угрозу; с челкой, падающей на глаза, — невидимка, который предпочитает раствориться для всех и быть никем.

Поскольку молодой человек не любил разговаривать по телефону за рулем, он припарковался сразу, как услышал звонок и увидел кто звонит, благо сейчас середина дня и машин почти нет.

— Аллю. Что случилось? — голос водителя Марка звучал равнодушно.

— Вел, ну ты можешь хоть иногда быть весёлым? От тебя за километр тарашит холодом, как мы вообще подружались? — веселым голосом говорил молодой человек, явно в хорошем настроении и с улыбкой на лице.

— Стас, чего хотел? Про дружбу поговорить? Мне некогда. Давай потом. Пока.

— Эй, погоди! Ты приедешь сегодня катать?

— А кто-то будет?

— Да все, как обычно. Ты забыл, что сегодня пятница?

— Да... — Савелий на секунду замаялся, вспомнив недавних попутчиков.

— Ну так тебя ждать? Ледышечка ты наша, — Стас громко рассмеялся в трубку.

— Буду. Всё, давай, мне некогда.

— Да бл, подожди! — Стас говорил немного волнуясь, зная, что, Савелий не любит пускать к себе в машину вообще кого-либо. — Ты можешь пару человек захватить? Я не успеваю их забрать.

— Нет. Я не такси. Всё, пока. Увидимся сегодня. — Сказал Вел чувствуя как он начинает раздражаться и чувствовать что-то сильнее, чем за последние 2 года.

Это хорошо, что он стал более эмоциональным, но гнев и раздражение не должны выходить наружу так ярко и агрессивно объяснял ему психолог. Начинать чувствовать эмоции надо, не надо их заедать или как-то пытаться скрыть. Надо их принять и выплескивать правильно, чтобы они не накапливались и не блокировали в будущем другие эмоции или же наоборот не вызывали вспышки агрессии.

— Эй, подожди! Так ты захв... — не успел Стас договорить, как Вел скинул трубку.

Он задумчиво посмотрел в телефон, набирая другой номер, и пробормотал, глядя прямо перед собой:

— Надеюсь, он не тупой и понял: моя машина — это моя машина. Кому надо — ноги в руки и дойдут пешком.

Наконец Савелий дозвонился. С третьего раза.

— Алло? Что-то срочное? У меня работа, — голос девушки был приятным, мягким, но уставшим.

— Можешь уйти сейчас на час?

— Нет.

— А на пятнадцать минут?

Она тяжело выдохнула:

— Ладно. Пятнадцать, не дольше. Заберёшь меня, и заедем в тот двор.

Савелий подъехал к назначенному месту, опустил стекло до конца и положил руку на дверь так, что локоть свисал наружу. Машина стояла на холостом ходу, а он смотрел в сторону угла дома — туда, откуда, по его мнению, она должна была появиться. В голове было пусто, но внимание было сфокусировано на ожидании, от чего в его глазах было раздражение и нервозность.

Минут через десять из-за угла вышла девушка. Шла быстро, с лёгкой, почти неуловимой улыбкой. Заметив его взгляд, она заулыбалась и помахала рукой — просто, привычно, будто делала это сотни раз и никогда не задумывалась, какое впечатление производит.

Савелий заметил её раньше, чем успел осознать это. И в тот же миг весь мир будто остановился. Улыбка была настоящей — тёплой, живой, такой, какой улыбаются только тем, кого действительно рады видеть. Когда их взгляды пересеклись, в этом простом жесте — поднятой руке, коротком взгляде — оказалось больше близости, чем он ожидал.

Он отметил её фигуру почти машинально: тонкую талию, ровную осанку, уверенную лёгкость движений. Она шла к машине быстрым шагом, и длинные прямые чёрные волосы, тяжёлые и гладкие, доходили до самой поясницы, мягко скользя по спине. Савелий поймал себя на том, что смотрит дольше, чем следовало бы, и не спешит отводить взгляд.

Лицо у неё было спокойное — без желания произвести впечатление. И именно этим оно притягивало. Тонкий прямой нос с едва заметно округлым, чуть приподнятым кончиком придавал облику мягкость, делал черты особенно живыми. Небольшой лоб гармонично вписывался в лицо, не перетягивая внимание на себя. Тёмно-карие глаза смотрели внимательно и прямо, будто в них всегда жило безумство и любопытство к миру.

В этом взгляде Савелий вдруг почувствовал странное, непривычное спокойствие — такое, при котором не нужно быть сильнее, громче, увереннее. Просто возможность быть спокойным и наслаждаться каждой секундой.

Её губы — естественные, чуть припухлые, одинаковой формы — легко двигались, когда она улыбалась. И именно эта улыбка зацепила сильнее всего: не яркая, не вызывающая, а тёплая, такая домашняя, на которую раньше он не обращал внимания.

На ней было платье-рубашка — светлое, спокойного бежевого оттенка, без лишних деталей. Ткань выглядела плотной, но мягкой, хорошо держала форму и подчёркивала фигуру

ровно настолько, насколько это позволяла офисная сдержанность. Пуговицы шли ровной линией от воротника до колен, добавляя образу собранности и аккуратности. Платье сидело свободно, но при этом подчёркивало тонкую талию.

Рукава были закатаны чуть выше запястий — как у человека, который много работает и не любит мешающих рукавов, которые мешают работать с бумагами. В этом образе чувствовалась лёгкая небрежность, делающая образ живым. Тонкий пояс мягко обозначал талию, не превращая наряд в что-то вызывающее.

На ногах — туфли на высоком каблуке, явно для стиля, а не для удобства. Они не бросались в глаза, но завершали образ, делая его строгим, эффектным и продуманным. Савелий вдруг осознал, что она всегда была стильной и красивой, но прежде он не обращал на это внимания. Она не «подбирала» образ — она просто была в нём собой, и именно это цепляло сильнее всего.

Минимальные украшения — тонкая цепочка на шее и часы с не широким и не тоненьким ремешком — подчёркивали аккуратность, не отвлекая внимания от ее лица, но при этом подчеркивали ее стиль. Макияж был почти незаметен: ровный тон кожи, слегка подчёркнутые глаза, естественные губы.

Весь её образ складывался в ощущение уверенности и утонченности. У этой девушки точно есть вкус в одежде. Она выглядела так, будто привыкла быть в этом мире на своём месте: работать, решать вопросы, идти вперёд — и при этом оставаться собой. Не вызывающе, не вульгарно, а достаточно, чтобы Савелий снова поймал себя на мысли, что смотрит дольше, чем собирался. Он смотрит на неё не так, как привык. Не равнодушно, не с холодом, не со взглядом друга. Савелий просто смотрел — и понимал, что в её внешности нет ничего лишнего. Всё складывалось в образ, который хотелось запомнить и рассматривать каждую секунду.

Водитель коротко сказал «привет», качнув головой в сторону заднего сиденья и лениво показал большим пальцем — мол, садись туда.

Она послушно обошла машину, открыла дверь и устроилась сзади. В салоне сразу изменилась атмосфера с напряженной, на расслабленную, родную, почти домашнюю.

— Приветтики, — протянула она, расстёгивая пуговицы на рубашке, будто между делом. — У нас максимум минут пятнадцать, на секс еще меньше. Обед почти закончился, начальник сегодня на месте, так что мне нужно успеть вернуться вовремя.

Она мельком взглянула на него.

— А ты чего вообще такой импульсивный сегодня? Что-то случилось?

— Все в порядке, — отозвался Савелий, не оборачиваясь. В его голосе звучала привычная сдержанность. — Не хочу особо разговаривать.

Она лишь усмехнулась, привыкшая к его манере. Савелий всегда был холоден, но сегодня его молчание и тон, с которым он говорил были намного холоднее.

— Я-то привыкла к твоему холодку, — протянула она, заканчивая с пуговицами. — Но... такими словами ты другую девушку никогда не возбудишь.

Он едва заметно улыбнулся уголком губ, но промолчал, сворачивая в тихий переулок. Припарковавшись, Савелий заглушил двигатель и привычным движением стал закрывать лобовое стекло защитной пластиной.

— Сегодня пятница, ты поедешь на катать? — спросила она уже другим тоном, пока он возился с солнцезащитной пластиной.

— Да. За тобой заехать? Или ты сегодня пас? — отозвался он, наконец оборачиваясь к ней. Взгляд скользнул по ее фигуре и стал чуть теплее.

Она уже скинула рубашку. Сидела на заднем сиденье в одном белье — расслабленная, уверенная в себе, будто так и надо. В руках вертела красно-черную пушистую подушку, которая всегда лежала в машине у Савелия.

— Ну, я в раздумьях, — пожала она плечами, доставая из подлокотника упаковку и маленький тубик. — Пока не уверена.

Савелий перебрался назад. На мгновение между ними повисла неловкость — слишком тесно, слишком буднично для того, что должно было случиться.

— Каждый раз мне неловко делать это в машине, — признался он тихо, расстёгивая штаны.

— Напомню тебе, — усмехнулась она, — что сегодня это была твоя идея. Я могла сейчас работать и не видеть твоих смущений.

Она встала на колени — лицом к нему, так близко, что их носы почти касались, а ее дыхание он чувствовал на своих губах. Её глаза, широко распахнутые, смотрели прямо в его душу — открыто, без тени стеснения, будто изучала его реакцию.

— Всё, — выдохнул Савелий. — Слишком много слов.

Рука сама легла ей на затылок — властно, но не грубо. Пальцы погрузились в волосы, притягивая её ближе. Дальше разговоры действительно закончились.

Он притянул её к себе, и в этот момент будто оборвалась невидимая нить сдержанности. Поцелуй вышел не мягким — требовательным, почти жадным. Поцелуй вышел жёстче, чем он хотел, но она впиалась в ответ — без нежности, а некой жадностью. Именно так, как он хотел.

Савелий скользнул ладонью по её спине — медленно, чувствуя каждый позвонок, каждую дрожь, которая пробегала по телу. Его ладонь задержалась на ее пояснице, а затем он медленно скользнул рукой вниз, притягивая ближе. В тесном салоне машины любое движение ощущалось сильнее — их колени соприкасались, сбитое дыхание стало слишком громким, как и шорох ткани, который сводил с ума громче любых стонов.

Она провела пальцами по его шее, чуть задержалась у линии подбородка.

— Ты сегодня другой, — прошептала она в паузе между поцелуями.

Он промолчал. Не потому, что не хотел отвечать — просто слова застряли где-то в горле. Вместо ответа Савелий лишь накрыл её губы своими — глубже, медленнее, настойчивее, заставляя её забыть собственное имя.

Вика прикрыла глаза, выдыхая его имя — тихо, хрипло, и этого хватило, чтобы он окончательно потерял голову. Савелий чувствовал, как теряет контроль — и ему это нравилось.

Машина едва заметно качнулась.

Его губы скользнули ниже — по шее, к ключице, оставляя за собой дорожку из мурашек. Она запрокинула голову, кусая губы, чтобы не быть слишком громкой, — пыталась молчать, но эти попытки бесили и заводили одновременно.

Внутри стало жарко — не только от закрытых окон. Она двигалась в такт — послушно и жадно одновременно, и от этого единства внутри закипало что-то первобытное, неконтролируемое.

В какой-то момент она рассмеялась коротко и сбивчиво:

— Если кто-то сейчас постучит в окно, я тебя убью.

Он усмехнулся, уткнувшись ей в шею.

— Никто не постучит.

Ещё секунду назад она смеялась, а уже в следующую — он притянул её ближе, заставляя податься всем телом вперёд, и смех оборвался, сменившись тихим стоном.

Он уже не думал о том, что за окном день, что они в машине, что кто-то может пройти мимо. Каждый тихий всхлип Вики стирал остатки самообладания. Руки сжимались сами собой — сильнее, жёстче, до дрожи, которую он чувствовал всем телом. Она податливо двигалась в его руках, отвечая на каждое движение, и Савелий на секунду прикрыл глаза — слишком хорошо, чтобы помнить, кто он и где.

Время словно ускорилося. Их движения стали быстрее, дыхание громче.

Краем глаза Савелий заметил, как она скользнула взглядом по часам — этот жест должен был выбесить, так как напоминал, что нам надо ускориться, что у них очень мало времени, а он хотел насладиться этим моментом как можно дольше. В следующую секунду Вика закрыла глаза, позволяя себе раствориться в ощущениях.

Всё было на грани — спешка, риск, страсть. Никаких роз. Никакой нежности. Только жёсткий, быстрый секс, от которого сносило крышу им обоим. Савелий сам удивлялся, как легко забывал про свою неловкость, стоило ей прильнуть ближе. Он выключал голову и просто наслаждался этим моментом.

Когда напряжение достигло пика, она вцепилась в его плечи, словно боялась упасть, и на мгновение мир за окнами перестал существовать.

Потом всё стихло. Она всё ещё тяжело дышала, когда опустилась рядом на сиденье, прильнув головой к его плечу. Несколько секунд они сидели молча, восстанавливая дыхание.

Вика быстро пришла в себя, привычно собирая одежду и приводя себя в порядок. Одно мгновение она ещё была вся его, ещё секунду назад она тяжело дышала, прижимаясь к нему, а теперь уже натягивала одежду с какой-то пугающей нервозностью.

Савелий смотрел, как ловко её пальцы застёгивают пуговицы, как привычно поправляет волосы, и в груди кольнуло что-то похожее на досаду. Она поправила волосы — привычно, будто не замечая его взгляда. А он не мог оторваться. Силы у него еще были, а желание дальше куда-то двигаться — нет. Всё, чего ему хотелось — чтобы она никуда не уходила. Но она уже смотрела на часы.

— Вел, может ты пошустрее будешь собираться? — Бросила она с легким раздражением, взглянув на часы. — Я серьезно опаздываю...

В ее голосе сквозило желание прикрикнуть, но она сдержалась — знала, что на его ледяное спокойствие это не подействует. Лишь тяжело вздохнула, поправляя волосы и готовясь выскочить из машины, чтобы успеть на работу.

После их встречи Савелий поехал работать. Сейчас он подрабатывал доставщиком еды, но их сегодняшняя встреча с Викой не выходила у него из головы. Что-то было не так.

Бывали дни, когда он мог смеяться с ней и даже шутить, но сегодня он чувствовал что-то другое глядя на нее.

Савелий запретил себе об этом думать. Работа и дорога требовали полной концентрации. Он изо всех сил старался не копаться в себе.

Но дорога не отпускала. Мысли снова и снова возвращались к ней, цеплялись за каждую деталь: как она запрокидывала голову, как кусала губы, как смотрела на него этим своим взглядом — исподлобья, изучающе, будто видела насквозь.

Вечером Савелий заехал за своей спутницей, и они вместе направились к «Бантику» — большому магазину на окраине города. По пятницам там собирались ребята на машинах: музыка, разговоры, дым от покрышек и короткие вспышки адреналина, когда асфальт начинал визжать под колёсами.

Ночь только начиналась.

— Если сегодня будет Милкис, я хотела бы с ним покататься, — сказала Вика спокойно, будто речь шла о чём-то обыденном.

Савелий покосился на неё, но голос остался ровным:

— Так вы с ним уже виделись? У вас отношения?

— Не-а, — Вика пожала плечами, рассматривая себя в зеркальце. — Отношения не начались, пока просто общаемся. Но если что-то наметится, я тебе скажу.

— Ладно. Надеюсь, ты помнишь наш уговор.

Савелий говорил это, испытывая лёгкий укол ревности, но сам же себе запретил на это право.

Подъезжая к парковке у «Бантика», они сразу заметили движение — вокруг одинокого столба кто-то уверенно наворачивал круги. Машина была почти точной копией савелиевской: та же модель, та же посадка. Разница была лишь в цвете — машина полностью белая и в ночь тонированная.

Возле стоянки стояла группа — человек пятнадцать, не меньше. Кто-то курил, кто-то снимал происходящее на телефон, кто-то просто молча наблюдал, не отрывая взгляда от машины.

Чуть поодаль, освещённый светом фонарей, стоял Стас. Его белоснежные кудрявые волосы бросались в глаза даже в полумраке — будто кто-то специально подсветил их. Свободная тёмная толстовка, светлые джинсы, потёртые кроссовки — одежда человека, которому важно не выглядеть эффектно, а чувствовать себя удобно. В одной руке — телефон, в другой — электронка, которую он периодически потягивал, когда не был увлечён съёмкой.

Стас и Савелий часто катались вместе: кто-то один за рулем, кто-то на пассажирском, потом менялись. Не лучшие друзья, скорее просто приятели, которые могли встретиться, сходить в компьютерный клуб или зимой прокатиться на сноубордах. Но даже при редких встречах они всегда находили, о чем поговорить — возможно, из-за открытости Стаса, а возможно, потому что Савелий умел слушать и не ощущать напряжения в компании Стаса.

Он заметил Савелия почти сразу — и, как только тот с Викой вышли из машины, ожил и быстрым шагом направился к ним.

Вика была в коротком топике, прямых штаны, лёгкая кофта на молнии, раскрытая спереди, и белые кроссовки. Образ был простым, но при этом имел какую-то хулиганскую черту, которая никак не мешала ей выглядеть уверенной.

Савелий, в свою очередь, был в свободной кофте, шортах ниже колена, длинных носках и кроссовках. Наряд был удобным и расслабленным, подчёркивая его привычку держать дистанцию, не выставляя себя напоказ — но при этом оставаться в поле зрения. Челка на лице была зачесана назад, что позволяла другим заглядывать в его синие глаза.

— О, Вик, ты сегодня тоже тут, — сказал он с улыбкой, а затем протянул руку Савелию. — Здорово, братишка.

Савелий пожал руку, коротко кивнул:

— Привет. Народу сегодня прилично.

— Да, — Стас расплылся в довольной улыбке. — Но так даже интереснее.

— Я бы тоже сегодня не отказалась прокатиться с кем-нибудь, — вдруг сказала Вика, бросив на Савелия быстрый взгляд. — Ты ведь не против, Вел?

— Твое дело с кем тебе проводить время, — равнодушно ответил он. — Но только предупреди меня, если ты останешься тут, я планировал уехать минут через тридцать.

Вика скрестила руки на груди, сделав недовольное лицо, но уже через секунду, — нет, я тоже с тобой поеду, — посмотрев по сторонам, она заметила, что тут нет того, кто ей нравится и еще раз утвердительно резко сказала — отвезешь меня домой тогда, тут сегодня скучно.

Савелий, согласившись кивнул, не в его правилах было оставлять знакомую ему девушку неизвестно где: раз забрал из дома, нужно домой и вернуть.

Стас, которому их разговор был явно неинтересен, закатил глаза:

— Пошли уже к остальным.

Они подошли к компании, перебросились парой фраз о трассе, о покрытии, о том, где лучше зайти в поворот. А затем Савелий и Вика направились к его машине.

Когда Савелий дрейфил в поворотах, он чувствовал свободу, контроль и при этом его усталость уходила, он получал настоящее удовольствие.

Вика удобно устроилась на пассажирском сидении, волосы слегка развевались от открытого окна, крепко держась за ручку двери.

Савелий завёл двигатель. В первые секунды дрифт был плавным. Он чувствовал контроль, скорость. Каждое движение руля отдавалось в руках, каждое касание педалей — в ногах.

На поворотах пассажирку бросало из стороны в сторону, ремень безопасности смягчал эти качания. Волосы взлетали, повторяя движение машины. Она получала удовольствие и громко смеялась, пока они катались.

Савелий не обращал на нее никакого внимания, он был погружен в свои мысли и полностью занят процессом поворотов, чтобы проехать как можно круче не перед ребятами, а перед самим собой. Сегодня его интересовало проехать как можно опаснее.

В какой-то момент машину повело. На долю секунды — слишком долгую — контроль ускользнул. Столб оказался опасно близко. В последний момент Савелий выправил траекторию. Ещё одно неверное движение — и всё закончилось бы иначе. Сердце билось в груди, адреналин пульсом бежал по венам, но он справился.

Вика и дальше продолжала смеяться, а после того как они остановились она с веселой улыбкой на лице повернувшись к Савелию сказала:

— Это было опасно, может повторим?

Он усмехнулся

— На сегодня, пожалуй, достаточно, — а после подмигнул ей

Она рассмеялась ещё громче. Настолько, что, когда Савелий сказал:

— Ну все, покатались, давай прощаться и поехали

Девушка так сильно и долго смеялась, что просто кивнула ничего не сказав, она осталась сидеть в машине, а Савелий вышел попрощаться со своими знакомыми.

Стас заметил его улыбку и тут же не удержался:

— Твою счастливую морду можно увидеть, только когда ты почти разбиваешься?

— Видимо, — усмехнулся Савелий. — Адреналин — мой лучший психотерапевт.

— В следующий раз я за рулем, — хмыкнул Стас

— Тогда до следующий встречи. Но без попыток меня угробить. Хотелось бы не огорчать свою матушку печальными новостями.

Стас удивлённо приподнял брови, потом протёр глаза:

— Подожди... Ты сейчас пошутил? Савелий, как говорится «раз в год и палка стреляет»

— Не привыкай, — буркнул тот. — Мы поехали. До встречи.

Они пожали руки, и Савелий вернулся в машину

Вика уже сидела спокойно, с серьёзным выражением лица.

— А ты, кстати, чего так рано сегодня домой?

Савелий посмотрел на нее с удивлением, а потом заводя двигатель сказал, — завтра первое сентября, надо в школу, а ты разве не идешь в вуз?

— А... — протянула она. — Нет, нам, конечно, сказали прийти со всеми познакомиться, но я не хочу стоять на линейке и на всем этом праздничном мероприятии, — вдруг задумавшись на секунду, а затем резко повернувшись к Савелию она предложила, — пошли завтра в кино? Я не хочу сидеть дома весь день.

— А как же тот парень? — Савелий бросил на неё быстрый взгляд. — Ты в итоге его слила?

— Нууу... — пожала она плечами, и уголки её губ чуть опустились, — он стал намекать сразу на более близкие отношения. А ты же знаешь, мне нужны серьёзные отношения.

Он ухмыльнулся:

— Ага, знаю-знаю

— Ну так чего? — продолжала Вика. — Пойдёшь в кино? Билеты с меня.

— Завтра по плану работа после школы, — ответил Савелий. — Надо будет развести доставку.

— Блин, — вздохнула она. — Ладно, тогда я пойду на свидание с одним.

— Ты будешь с ним спать? — спросил он с недоверием

— Нет, — спокойно сказала Вика. — Помню про наш уговор.

Он кивнул.

Он кивнул, пытаясь спрятать напряжение.

— Расскажешь потом, как прошло, — добавил он тихо.

Пока он вез её домой, взгляд Савелия невольно останавливался на её лице. Он ловил каждую деталь: слегка растрепанные волосы, уголки улыбки, глаза, которые постоянно что-то наблюдали. Ему хотелось просто смотреть на неё, и он поймал себя на том, что делает это чаще, чем следует.

Вика почувствовала его взгляд и с интересом приподняла бровь:

— Да что сегодня с тобой? — спросила она, устремив на него исподлобья тот самый взгляд, с которым могла разглядеть всю его душу.

Он отвернулся, сосредоточившись на дороге, не ответил.

— Ты что, влюбился в меня спустя столько времени? — улыбнулась она, шутливо дерзко.

Он покашлял и привычно отмахнулся:

— Не говори глупостей.

— Ну чего ты сразу такой холодный? — продолжала она, чуть наклоняясь к нему. — Будь потеплее, может, у нас что-то и получилось бы.

— Думаешь? — спросил он, серьёзно, с лёгкой растерянностью.

— Ты сейчас серьёзно? — Вика улыбнулась, но глаза у неё блестели от любопытства. — Хочешь сказать, что что-то чувствуешь?

— Эмм... я не уверен, — признался Савелий, опустив взгляд на руль.

— Вел... такими вещами не шутят, — серьёзно сказала Вика.

Они уже подъезжали к её дому.

— Я... ты мне нравишься, — начала она, слегка замявшись, — и ты знаешь об этом. Но я не рассматривала тебя как парня, хотя, может... — она замолчала, задумавшись.

— Ладно, наверное, я просто перенервничал сегодня, — пробормотал он. — Давай забудем этот разговор.

Вика прищурилась, глядя ему прямо в глаза:

— Тебе надо поспать. Я пошла. — Она резко повернулась, а потом с лёгкой усмешкой добавила. — Если вдруг поймёшь, что влюбился в меня... жду с кольцом.

Савелий невольно улыбнулся:

— Всё, давай, топай, любовь моя. Набери, как зайдёшь домой.

Она вышла из машины, на ходу посылая ему воздушный поцелуй, и побежала к подъезду.

Когда дверь закрылась за ней, Савелий прикрыл лицо рукой, ударил в руль и мысленно ругал себя: «О чём я вообще думаю? Она твоя подруга. Ты забыл, кого на самом деле любишь? Дебил...»

Потом, когда Вика позвонила, чтобы сказать, что дома, он медленно завел машину и уехал, всё ещё погружённый в собственные мысли.

Глава 3

Первое сентября в этом году выпало на субботу. Было солнечно, тепло. Савелий шёл в школу в привычной белой рубашке, чёрном пиджаке — свободном, будто на пару размеров больше, — и широких брюках. Челка, как обычно, была зачесана вперёд, почти полностью скрывая лицо за очками. В школе так проще было остаться незаметным: чем меньше тебя видят — тем меньше вопросов.

В школу он ходил пешком, ему не хотелось, чтобы кто-то из школы знал, что у него есть машина и вообще, чем меньше люди знают, тем лучше.

В этой школе он сейчас заканчивал одиннадцатый класс, а появился здесь лишь в прошлом году.

По пути в школу он увидел, как его три одноклассника задирают, какого-то пухленького мальчика, который сам за себя даже постоять не может.

Гордей, главный из этой компании, был чуть ниже двух своих друзей, с короткой аккуратной стрижкой. Его нос был прямой, с едва заметным задранным кончиком, что придавало лицу дерзости и уверенности. Взгляд сильный, чуть вызывающий, но притягательный — он будто всегда знал, что заслуживает внимания. Все его тело, его осанка, поднятая голова, уверенные движения создавали впечатление, что мир принадлежит и крутится вокруг него.

Матвей Чернышев был выше Гордея, широкоплечий и стройный. Его кривой нос добавлял лицу характера, делал его образ живым и запоминающимся. Волосы аккуратно зачёсаны назад, подчеркивая открытый лоб и чёткие черты лица. Взгляд пронзительный, как будто видишь человека, который понимает, чего хочет, и не боится это показать.

Даниил Валуев был самым высоким из троицы, с длинными руками и сильной фигурой. Его широкий нос идеально гармонировал с лицом, делая образ немного грубым, но в то же время привлекательным. Он не был слишком разговорчив, но его молчаливое присутствие производило впечатление уверенности и силы.

Эти три пацана были местными гопниками, они не отжимали деньги, но им просто нравилось запугивать слабых и самоутверждаться за их счет. Конечно, через силу они заставляли некоторых делать за них домашку и им просто нравилось, что их бояться и все им потакают, не более того. Ну и участвовать в драках им определенно нравилось, показывая кто тут главный и кого надо слушать.

Мальчик, которого они прижали к стене, были ниже их ростом сантиметров на пятьдесят, он был пухленьким, но не толстым и как бы сказали его одноклассники с девственным пушком над верхней губой. Если был какой-то карикатурный или образный ботаник-задрот, этот мальчик мог бы стать главным подобием всех этих стереотипов как минимум на вид.

Савелий не любил ввязываться в чужие разборки, особенно ему не хотелось этого в первый день после каникул. Школьнику хотелось пройти мимо, сделать вид, что ничего не видит, но совесть взяла верх. Он сделал шаг вперёд.

— Гордей, перестань, ему больно, — сказал он твёрдо и схватил руку главаря, отцепляя её от горла пухляша.

Гордей, чуть ниже ростом и ещё наклонившийся, посмотрел на Савелия снизу вверх с удивлением. Его друзья, стоявшие рядом, переглядывались, явно не понимая, что делает «тихоня» из их класса.

— Эй, Савелий, а ты не приахуел ли? — злобно и с ноткой раздражения спросил Гордей.

Савелий ничего не ответил, но подумал «ебушки воробушки, сегодня же первое сентября, а ты и в этот день ведешь себя как мудака. Гребанный Гордей, ты не мог хотя бы это делать это там, где меня нет?»

Он убрал руку Гордея, взял за плечо этого бедолагу и повёл его прочь. Перед уходом он развернулся:

— Он мой друг. Не трогай его. Если что-то нужно — подойди ко мне. — он не отпускал свою руку с плеча зашуганного мальчика и прибавив шагу они отделились от одноклассников Савелия.

Вся компашка гопников стояла в недоумении «что это только что было?»

По пути в школу мальчик все пытался сказать спасибо, но место этого просто поглядывал на своего спасителя и опускал лишь глаза вниз, не решаясь даже поблагодарить.

Уже подходя к школе:

— Эмм... спа...си...бо, — наконец выдавил он.

— Не за что, — ответил Савелий, убирая руку с плеча.

— Как тебя зовут? — спросил мальчик, с небольшим удивлением и робкой надеждой.

— Савелий, — ответил он. — А тебя?

— Димьян. Приятно познакомиться.

— Взаимно. «Постарайся не привлекать к себе внимания», — сказал Савелий. — Они обычно запугивают тех, кто слабее... В общем, не попадайся им на глаза.

Он громко выдохнул, и компашка гопников осталась стоять в полной недоумении: «Что это было?»

Савелий зашёл в школу почти автоматически, не обращая внимания на яркое солнце и первое сентября. Он сразу направился в свой класс, где обычно находился классный руководитель, и, найдя своё старое место, лёг головой на парту — дремать, пока ещё не началась «официальная жизнь» учебного года.

Звонок прозвенел, и вскоре в класс вошла Татьяна Ивановна. Савелий мгновенно выпрямился: он знал, что этот учитель никогда не позволит просто так дремать, и ругаться с ней ему совсем не хотелось.

— Так, мои умники, с первым сентября вас! — начала она с привычной энергией. — У меня есть хорошие новости... и не очень. Начнём с плохих.

В классе послышались недовольные вздохи.

— В этом году к нам присоединили соседнюю семнадцатую школу, — продолжила она. — Хорошая новость — больше друзей, плохая — придётся делить классы. И к нам придут десять новеньких. Так что, кто желает, собирайте вещи и идите за мной.

Ребята переглянулись, но никто не шевельнулся.

— Если никто не решается, тогда я выберу по списку, — добавила она, — пять мальчиков и пять девочек.

Через несколько минут десять человек вышли из класса. Позже Татьяна Ивановна вернулась уже с новыми учениками:

— Вот ваши новые одноклассники, — сказала она, указывая на них рукой. — Рассаживайтесь по возможности через одного: мальчик-девочка, знакомьтесь.

Савелий слегка поднял голову, заметив, что перед ним сел тот самый пухляш, которого он спас от Гордея всего несколько часов назад. Он снова опустил голову на парту, стараясь не привлекать внимания, пока классный руководитель ушла.

На задних партах привычно разместилась троица — Гордей с друзьями, «короли» школьного двора. Парты перед Гордеем оставались пустой, и Савелий понимал, что это ненадолго.

— Отлично, — сказала Татьяна Ивановна, возвращаясь. — Сегодня составим списки классов, и у вас будет шанс поменяться.

На следующем уроке Савелий с удивлением услышал знакомые имена. Он резко проснулся, приподнялся и почти не веря глазам, подумал: «Лисенок? Кир? Это правда?» — и ущипнул себя.

Классный руководитель окинула взглядом ряды и нахмурилась:

— Так, а где они?

Мальчик с темными короткими волосами пожал плечами:

— Их сегодня нет. В понедельник будут.

— Болеют? — уточнила Татьяна Ивановна.

— Не знаю.

Учительница перевела взгляд на другую парту и строго поджала губы:

— Так, ты и ты. — Она ткнула пальцем в сторону близнецов с красными волосами. — Чтобы в понедельник были с нормальным цветом. Это школа, а не клуб.

Близнецы переглянулись между собой и покорно кивнули, так как предполагали, что им не дадут покоя за их цвет волос.

Когда прозвенел звонок с урока, Савелий не стал мешкать. Он сразу направился к парте, возле которой уже собралась небольшая компания: парень, за которым он наблюдал ещё на уроке, девушка с красными волосами и ещё один ученик из параллельного класса — тот самый, который только что отвечал учителю, что не знает, где его знакомые.

Савелий вспомнил цвет этих волос и понял, что это были те, кого он в тот раз подвез. Он поправил очки и спросил этих ребят, спокойным, но менее холодным и угрожающим голосом, чем в тот раз в машине:

— Где Арина и Кирилл?

Парень за партой — его звали Вениамин — настороженно сощурился:

— Ты их знаешь?

Савелий на секунду задержал взгляд на его лице, потом перевёл на девушку рядом. *Невероятно*, — подумал он. — *Они же просто копии. Два одинаковых ебла, просто охуеть. Никогда не видел, чтобы люди были так похожи.*

— Ты им угрожал? — вмешалась Алла, девушка, что так похожа своим лицом на парня сидящего за партой.

— Так что с ними случилось? — сказал Вел, понимая, что скорее всего не получит ответ.

— Не твое дело, проваливай — сказал Вениамин.

В этот момент подошёл Гордей со своими друзьями. Савелий заметил, как они хотят показать свое превосходство и запугать новеньких учеников.

— Нормально вы так разговариваете с нашими одноклассниками, — начал Гордей. — Посмотрю ваши друзья настолько «смелые» что даже не пришли в первый день учебы. Видимо ваша компашка, как и ваш главарь Сайракс слишком высокомерна и слаба на деле.

Савелий внутренне сжал челюсти, но молчал. А после он задумался «что? Сайракс? Мне послышалось? Что за бред несет этот сопливый?»

Алла не выдержала:

— Как ты смеешь их оскорблять?!

— Тебе лучше заткнуться. — сказал Венья, глядя на Гордея.

«Членораздельно срать не научились, да и затыкалки не выросли еще, а уже пытаются друг друга запугать. О, Господи, дай мне сил закончить эту школу» — подумал Савелий, глядя на эти нелепые разговоры.

Ребята начали цепляться к словам и чуть не началась драка, мимо класса в этот момент проходила завуч и она быстро расцепила ребят.

Глава 4

Савелий сидел в машине, припаркованной у старых гаражей. Синяя футболка болталась на нём свободно, джинсовые бриджи открывали загорелые колени, кроссовки упирались в пол машины в ожидании. Он смотрел на дом через ограду и набирал знакомый номер.

— Я жду тебя около гаражей за твоим домом, — сказал он в трубку, и голос его звучал спокойно, без раздражительности.

— Да, я уже выхожу, — слышался нежный женский голос

Через пару минут он увидел её. Вика перелезала через невысокий заборчик, огибая кусты с мелкими белыми цветами.

Савелий смотрел и не мог отвести взгляд. На ней были широкие штаны, облегающая водолазка, подчёркивающая каждую линию, и распущенные волосы, которые ветер развивал и взъерошивал. Она была красива. Всегда красива. Но сегодня — особенно.

Когда она села в машину, он потянулся назад и достал букет. Кремовые пионы вперемешку с сухоцветами, перевязанные широкой лентой. И коробку конфет — тех самых, что она любила. Даже при том, что они не встречались на праздники, он все равно дарил ей цветы и коробку конфет.

— Это тебе, — сказал он. Голос сам собой стал мягче. — С праздником. Учись там... ну, ты поняла.

Вика взяла букет, и лицо её осветилось.

— Какие красивые... — Она вдохнула запах, провела пальцем по лепесткам. — Спасибо тебе большое.

Она подалась вперёд и чмокнула его в щёку — легко, по-дружески.

— Но сразу о грустном, — голос сел, стал равнодушным и холодным. — Надо кое-что обсудить.

Вика замерла с букетом в руках, но ни тени обиды не мелькнуло в её глазах. Только любопытство.

— В чём дело? Что-то случилось?

— Да. Мы прекращаем наши постельные взаимоотношения, — сказал он с твердой уверенностью прямо глядя в ее глаза.

Тишина. А потом — смех. Нет, не обидный, не истеричный — удивлённый, радостный, какой-то детский.

— Ух ты, — Вика расплылась в улыбке. — А я уж думала после прошлого нашего разговора — всё, сегодня будет что-то новенькое. — Она подалась к нему, заглядывая в лицо. — Ты наконец встретил ту самую?

После Савелия ждал поток ее нескончаемых вопросов. Он слушал и краем губ улыбался.

Несмотря на всё равнодушие, которое проявлял Савелий, он иногда спрашивал у Вики советы по тем или иным вопросам и просто обсуждал с ней то, о чем мог бы рассказать. Они даже порой смеялись. Для него она была другом, но не более того. Да, они спали, но чувств за всё проведённое время он к ней так и не испытал. Только лишь в последнюю встречу с ним произошло что-то иное.

Пока Вика продолжала задавать кучу вопросов и строить теории о том, что же случилось с Савелием, вдруг задняя дверь машины открылась и кто-то запрыгнул в салон. Не успел Савелий повернуть голову, как слышался женский голос:

— Извините, мы переждём пару минут и сразу уйдём. Мы не хотели вас тревожить.

Савелий, не вслушиваясь в их речь, схватился за руль, выдохнул и, оборачиваясь назад, начал низким недовольным голосом:

— Вам тут не пункт передержки и не такс... си...

На конце фразы он затих и заикнулся. Его глаза расширились, как и глаза девушки, на которую он смотрел.

Девушка — светловолосая, с длинными вьющимися прядями, оттенок её волос напоминал спелую пшеницу. Волосы мягко спадали с плеч, а лицо было нежным, как распутившиеся цветы. Её внешность казалась хрупкой, но больше всего притягивали глаза — от них невозможно было оторвать взгляд. Левый — наполовину карий, наполовину изумрудно-зелёный, а правый — полностью карий. Редко встретишь такие глаза.

Парень рядом с ней выглядел откровенно паршиво — бледный, с запёкшейся кровью у виска. Одной рукой он прижимал ладонь к животу, и даже сквозь стиснутые зубы было слышно, как тяжело ему сдерживать стоны. Тёмные волосы собраны в небрежный хвост. Если бы не запёкшаяся кровь, можно было бы заметить его карие глаза с длинными ресницами, густые брови, прямой нос с чуть задраным кончиком. А телосложением он под стать Савелию — крупный, мощный, раза в два больше своей спутницы.

Девушка с заднего сиденья заговорила:

— Простите ещё раз, через пару минут мы правда уйдём.

В салоне повисла тишина. Девушка на заднем сиденье смотрела в глаза Савелию, он не отрываясь смотрел на неё. Парень рядом держался за живот руками и громко дышал, периодически издавая стоны.

Вика переводила взгляд с Савелия на девушку и обратно — несколько раз, пока та наконец не отвернулась к окну и не сказала:

— Спасибо, до свидания. Хорошо, что вы не такси.

И потянулась открывать дверь.

В этот момент Савелий — впервые за эти пару лет — ехидно улыбнулся. Резко отвернулся, завёл машину и нажал на газ:

— Ну что вы, мадам, такси специально для вас. Куда желаете поехать?

Лицо Вики за этот момент сменилось разными гримасами. Возможно, от злости, что Савелий может взорваться на незнакомцев, а потом опять начнет с ней холодно разговаривать. До безумного удивления от улыбки этого холодного человека. Она сидела и с интересом наблюдала, что же сейчас произойдет дальше.

— Остановись на ближайшем перекрёстке, — сказала девушка с заднего сиденья.

— Арин... где мы? — парень говорил едва слышно, сквозь боль.

— Ну что ты, заблудший лисёнок, — Савелий усмехнулся. — Я довезу тебя до дома. Называй адрес, Аришечка.

Последние слова он произнёс уже требовательно.

— Фу, меня сейчас вырвет. Останови машину, — выдохнула Арина.

Савелий притормозил. Арина потянулась открыть дверь, но добавила:

— От твоих слов.

Уголки губ Савелия дрогнули. Он резко нажал на газ — будто именно этой реакции и ждал.

Арина скрестила руки на груди и произнесла требовательно:

— Тебе не нужно знать, где я живу. Высади нас на ближайшей остановке.

И взяла за руку своего спутника.

Савелий посмотрел в зеркало заднего вида и крепче вцепился в руль. Вика лишь сидела и наслаждалась этим спектаклем — улыбка не сходила с её лица. Она даже обернулась, чтобы получше рассмотреть парочку сзади.

— Я не высажу тебя и твоего парня здесь, и ты это прекрасно знаешь, — голос Савелия стал низким, гневным, требовательным. От него у всех в салоне по коже побежали мурашки. — Назови адрес. Хотя бы соседнего дома.

А потом он вдруг стал слишком спокойным — от этой резкой смены тона мурашки стали только сильнее:

— С таким интересным другом на улице вас примут за неприличную парочку. Он так стонет, будто его на моих сиденьях и в хвост, и в гр...

— Вел, ему же плохо, — перебила Вика.

— Да, я вижу. Но он реально стонет так, что, если бы я не смотрел в зеркало, решил бы, что у нас что там лишают кого-то девственности или снимают кино для взрослых.

— Ладно, эксперт по потерям девственности, — сдалась Арина и назвала адрес. — Высадишь нас там и больше никаких вопросов. Ты всё-таки такси или бабушка у подъезда?

Арина гладила парня по спине, склоняясь к его лицу.

— Ариш, все нормально, не переживай, — прошептал он, сжимая её руку, и снова застонал от боли.

— Тим, потерпи ещё немного, — тихо сказала она.

Вика наблюдала за каждым. Сказать, что она увидела интересное шоу — ничего не сказать. Савелий за эти минуты выдал столько эмоций, сколько не показывал за последние пару лет.

Вика в этот момент наблюдала за лицами и движениями всех, кто был в машине. Сказать, что она увидела интересное шоу это ни сказать ничего. Савелий изображал разный спектр эмоций от радости до грусти. Пацан на заднем сиденье был побитым и держался за живот, того гляди из него вывалятся все органы наружу. Арина же крепко обнимала его, гладила по спине и явно была готова защищать любой ценой.

— Это твой парень? — спросил Савелий у Арины.

— Тебе какое дело? Ты водитель или кто?

— Водитель глубоко сожалеет, что нарушил покой такого гостя, но всё же ему интересно, в каких отношениях состоят его пассажиры.

— Тебе не нужно этого знать.

— Так значит, вы не встречаетесь? — улыбаясь во весь рот, спросил водитель.

— Я сказала, что не буду отвечать. Я не распространяю личную информацию перед незнакомцами.

— Значит, встречаетесь? — сквозь зубы спросил Савелий.

— Мы-ы-ы в отношениях, только больше не ругайтесь, пожалуйста, — подал голос Тимофей таким тоном, будто сейчас умрёт.

— Мы приехали, — грубо оборвал Савелий, а затем улыбнулся и добавил: — Такая прекрасная дама может обращаться ко мне хоть каждую секунду — все её пожелания будут исполнены.

— Отлично. Тогда не попадайся мне больше на глаза, а то я сломаю твоё лицо. — Эти слова прозвучали из уст хрупкой блондинки с разными глазами.

— Ну раз ты его ещё не сломала, значит, оно и сегодня в твоём вкусе? — сказал Савелий, расплываясь в наглой улыбке.

Арина помогала Тиму выйти из машины и уже ничего не ответила Савелию.

Савелий сжимал руль так сильно, что костяшки начали белеть. Прямо перед ним шла Арина, обнимая и практически таща на себе парня, который был выше неё.

Он не выдержал и стал не просто кричать — он начал орать в машине:

— Как эта хрупкая девушка вообще может тащить на себе такое здоровое тело? И что за причёска у него? Он девчонка, что ли? Удивительно, что его только сейчас избили... А если из-за его вида, он всё время попадает в драки? Вот урод. Она что, не могла найти кого-то нормального? Лучше бы была одна, чем с таким уродом. — Он ударил кулаком по рулю и уже тихим голосом произнёс: — Сука...

Слёз не было. Он просто сидел, морально разбитый.

Вика рядом замерла, ошарашенная. Он никогда так не кричал — даже когда был в плохом настроении, даже когда ссорился с кем-то другим. А теперь... её глаза наполнились слезами, щёки блестели от них.

Савелий закрыл лицо руками, снова ударил по рулю, а потом заметил, что она плачет. И внутри вдруг образовалась пустота.

В порыве ярости он забыл, что не один. Даже не подумал, как сильно может напугать сидящую рядом девушку.

— Вик, прости... — голос дрогнул, он заикнулся и потянулся руками к её щекам, чтобы вытереть слёзы.

— Убери руки. Ты меня пугаешь. — Сказала она, отвернувшись.

— Вик... прости... — сказал он, голос чуть дрожал.

— Убери руки! — она всерьёз испугалась и отвернулась, спрятав лицо в ладонях. — Ты меня пугаешь

Он замер, чувствуя, как внутри что-то сжимается. Внутри него были снова депрессивные мысли *«Я не просто плохой друг. Я самый ужасный на свете. У меня из друзей — только Вика, Блять и Стас, и даже её я умудрился довести до слёз. Блять. Блять. Блять. Как вообще у меня может быть хоть кто-то?»*

— Я... я не хотел... — начал он, потом замолчал, понимая, что надо действовать осторожнее. Он опустил руки на колени, чтобы не давить, не делать резких движений.

Вика молчала, сжимая ладони. Он видел, как её плечи дрожат, и понял, что сейчас слова и прикосновения лишь усугубят ситуацию.

— Хочешь что-нибудь покушать? — сказал он тихо, осторожно. — Может, просто перекусим?

Она медленно кивнула, всё ещё не глядя на него, вытирая слезы и пытаясь успокоиться.

Савелий завел машину, и они поехали.

Спустя время Савелий купил Вике картошку фри и мороженое, и они сидели, ели на какой-то лавочке, где рядом не было никого. Вика уже успокоилась и, наблюдая растерянный вид Савелия, даже немного заулыбалась, а потом, стараясь сделать голос максимально равнодушным, спросила:

— Так это и есть та девушка, из-за которой мы больше не будем спать?

— Нуу... да. Я тебе о ней уже рассказывал, — признался он, смущаясь.

Вика кивнула.

— Ты только об этом хотел поговорить или есть что-то ещё?

— Только это. Мы будем ещё видеться? Или после этого мы перестанем общаться? — спросил он, немного волнуясь, особенно после того, как испугал её.

— Почему перестанем? У нас же бывали моменты, когда мы не спали, но виделись. Только теперь не я с кем-то встречаюсь, а... — судя по всему, она хотела сказать «а ты», а потом резко замолчала, а потом улыбнулась и, громко обнимая как радостный ребенок, закричала:

— Будем, будем общаться, мой самый лучший любовник! — а после обняла его.

Савелий немного отстранился от неё, посмотрел в её глаза, которые были прямо перед его носом, и спросил:

— Тебя отвезти домой?

— А ты поедешь катать?

— Думаю нет... — задумчиво сказал Савелий.

— Тогда куда ты собираешься? Я не хочу оставаться дома одна.

— Может, к тебе?

— Нуу, поехали.

Вика включила музыку, Савелий снова стал задумчивым.

Они уже поднялись в квартиру, как Савелий осознал, что они оба забыли забрать подарок, который приготовил Савелий. Букет был в руках, а вот коробки не было. Лифт уже поднялся к Вике на этаж, как Савелий спустился обратно.

Взяв коробку, он положил её в пакет. Уже зайдя в лифт и нажав кнопку, он решил посмотреть в зеркало, как кто-то вбежал в лифт, и двери закрылись.

Тяжелое дыхание, а из-под него слова:

— Изви... извините... что напугал вас, не хотел так врываться.

Запыхавшийся парень был чуть ниже Савелия на пару сантиметров. Он стоял, заметно согнувшись, упираясь ладонями в колени, словно иначе просто не смог бы удержаться на ногах. Дыхание сбивалось: грудь тяжело и неровно поднималась и опускалась, плечи подрагивали от усталости.

Белая огромная и свободная футболка потемнела от пота и липла к спине и груди, ткань натягивалась на широких плечах, делая его фигуру массивной. Рукава почти доходили до локтей, подчёркивая мускулистые предплечья; кожа блестела от пота.

Лицо было слегка вытянутое, с мягким сужением к подбородку, в котором угадывалась едва заметная квадратность, сглаженная округлыми линиями, как будто природа аккуратно подчеркнула структуру лица. Кожа на лице была вспотевшей: на висках и у линии роста волос блестели капли, несколько тёмных прядей прилипли ко лбу.

Глаза — изумрудно-зелёные, миндалевидные, среднего размера, посажены умеренно широко. Сейчас они смотрели чуть снизу вверх, из-под нависших век, затуманенные усталостью. Прямые ресницы слиплись от влаги. Брови — прямые, густые, но светлее, чем у Савелия, чуть сдвинуты к переносице, будто он всё ещё не до конца отдышался.

Губы полные, с чётким контуром: верхняя с выраженной дугой Купидона, нижняя чуть объёмнее. Сейчас они были приоткрыты — он жадно втягивал воздух, выдыхая шумно и прерывисто.

Он стоял так несколько секунд, согнувшись и опираясь на колени, пытаясь восстановить дыхание. Одежда была влажной от пота, кожа разгорячённой, движения — тяжёлыми и медленными. Сейчас столь прекрасный образ молодого юноши отображал только усталость и ощущение, что он прибежал сюда из последних сил.

Отдышавшись, парень наконец-то выпрямился. Савелий обернулся и уже второй раз за день застыл. Несколько секунд он просто смотрел, не веря глазам. Через пару секунд, пребывая в шоке:

— Кир?..

Ответа не последовало. Парень, зашедший в лифт, шагнул вперёд и в одно движение схватил его за воротник. Ткань натянулась, дыхание перехватило. Вторая рука держала кулак рядом с его лицом. Савелий лишь улыбнулся.

— Чего ты улыбишься? — резко бросил Кирилл.

— Потому что ты мог ударить... и не ударил, — выдохнул Савелий.

Он замолчал, словно подбирая слова так, чтобы не усугубить ситуацию. Если Савелий и мог выдержать побои, то он не хотел, чтобы Кирилл бил кого-то. Горло сжалось.

— Я... — голос предал его. — Мне правда жаль...

Его глаза покраснели, как и глаза Кирилла. Он сглотнул и сказал тише:

— У меня есть шанс быть прощённым?..

Кир толкнул его в двери лифта, которые в этот самый момент распахнулись, и Савелий, не удержав равновесия, упал на лестничную площадку. А после Кирилл добавил:

— Больше не попадайся мне на глаза, — а после нажал кнопку лифта и уехал.

Кирилл исчез.

А Савелий ещё несколько минут сидел на холодном полу, закрыв лицо руками. Хотелось провалиться сквозь землю — исчезнуть, стереть этот момент, как будто его никогда не было.

Но где-то под тяжестью стыда и боли вдруг появилось ясное, упрямое решение.

Раз они с Ариной и Кириллом теперь в одном классе — значит, пришло время вернуть то, чем он когда-то так дорожил. Или хотя бы попытаться.

Успокоившись, Савелий поднялся и посмотрел в коробку.

Подарку не суждено было попасть в руки хозяйки.

Внутри лежала ваза — разбитая, треснувшая сразу, как только он упал.

«Вика расстроится. Жаль. Старое не склеить», — подумал он и тяжело вздохнул.

Глава 5

Шел дождь. Савелий шел в школу в черном свободном широком костюме, белой рубашке, черных ботинках, а также в школе он всегда сидел в очках и челку делал расчесывал так чтобы она закрывала глаза, ему хотелось спрятаться. Молодой парень шел под зонтом, неся на одном плече свой кожаный рюкзак с учениками.

Перед школой он встретил свою одноклассницу - Вероника Юдина – отличница, которая часто тусит с хулиганами, она стояла в компании Гордея, Матвея и Даниила. Она старалась хорошо общаться со всеми в школе, а также, в частности и с этой опасной компанией. Он подошел к ним, чтобы поздороваться, как сразу заметил яркие фонари на лицах Матвея и Гордея.

«Ебаться всрачься! Их лица страшнее обычного. Это же кто их так разукрасил или они сами друг друга?» — пронеслась в голове мысль.

Савелий только пожал руки одноклассникам, так Вероника сразу взяла его под руку и повела его в школу.

— Ты вовремя, — сказала Вероника, когда они отошли. — Классы уже окончательно сформировали. Всё, теперь вообще никак не поменяется.

— Я понял, — кивнул Савелий. — Уже говорили

— Слушай... Гордей сказал, что ты сегодня вступился за новенького.

— Угу.

— Я не понимаю зачем, — честно сказала она. — Ты же обычно вообще ни во что не лезешь. Тебе-то это зачем?

Савелий пожал плечами.

— Мне не нравится, когда при мне дают тех, кто ответить не может.

— Но ты же видел, как он и раньше к кому-то цеплялся, — не унималась она. — И ничего.

— Я не видел, чтобы при мне он задирал настолько слабого, — спокойно ответил он. —

Это разные вещи.

Вероника закатила глаза и шумно выдохнула.

— Ладно... Я с ним поговорила. Он сказал, что трогать тебя не будет. Но, Савелий, пожалуйста, больше не вмешивайся.

— Я и не собираюсь нарываться.

— Я серьезно, — она остановилась на секунду. — Я не хочу, чтобы ты из-за этого пострадал. Мы все в одном классе. Мне не нужны разборки.

— Мне тоже, — кивнул Савелий. — Где у нас сегодня первый урок?

Ответить она не успела — к ним почти вприпрыжку приблизилась Кристина Потапова.

— Эй, вы слышали, что вчера было? — сразу выпалила она.

— Опять что-то? — вздохнула Вероника. — Ты про новеньких и Гордея?

Савелий нахмурился и остановился.

— Подожди... а что с новенькими и Гордеем?

Кристина удивленно посмотрела на него.

— Ничего себе, — усмехнулась она. — Ты интересуешься?

— Кристина, — сказал он. — Что произошло?

Савелий застыл с непониманием и озадаченностью на лице. Она дернула его за рукав.

— Короче. Вчера за гаражами, на Парковой, они подрались.

— Кто — они?

— Ну, Гордей и этот... как его... Сайракс. Говорят, он такой бешеный тип. И у него сестра ещё такая же.

Вероника фыркнула.

— Ага, «бешеный».

— Не, реально, — продолжала Кристина. — Его сестра Матвею с ноги втащила. А сам Сайракс с Гордеем сцепились по-серьёзке. Оба потом синяков нахватили. Чего только стоит на Гордея посмотреть.

Савелий слушал очень внимательно и теперь у него сложилась картина почему с Ари был побитый тип и почему они вообще оказались около гаражей.

— Потом, говорят, кто-то полицию вызвал, — добавила Кристина. — Все разбежались.

— И всё?

— Не совсем. Через пару часов Гордей, Матвей и Даниил снова на него наткнулись.

Хотели уже нормально отыгаться.

— И?

— А он убежал.

Вероника рассмеялась.

— Вот это вообще смешно. Про него такие слухи ходят — будто он кого-то чуть не убил. А тут от наших убежал.

— Да, — подхватила Кристина. — Я тоже слышала, что и он, и его сестра всех подряд бьют и самоутверждаются за счёт слабых.

Савелий наконец заговорил:

— А вы уверены, что они вообще бьют слабых?

Девочки переглянулись.

— Ну... — протянула Кристина. — Про сестру точно говорят. Она в одиннадцатой школе парням с ноги зарядила.

— Может, этот Сайракс потом добил? Я видела сейчас нашу троицу, и они мне ничего толком не рассказали... — добавила Вероника.

Савелий шел и в какой-то степени он гордился тем, что его друзья, которые его ненавидят могут за себя постоять, но волнение от этого у него за них не уходило.

— Не знаю. Но я бы с ними не связывалась.

Савелий кивнул, но внутри всё сжималось. Он знал Арину и Кирилла слишком хорошо, чтобы поверить этим словам.

«Ложь, пиздёж и провокация!» — хотелось ему закричать. — Вы ёбнутые, что ли? — вертелось у него в голове. — Арина с Кириллом всегда были против драк. Да, они умеют защищаться, но чтобы бить слабых и влезать в драки — у них совесть есть, в отличие от некоторых».

«Интересно, что бы они сказали, если бы узнали, что это я их защищаю? — подумал он про себя. — Рассмеялись бы или послали подальше?».

— Кстати, — добавила Кристина уже на ходу, — походу это и есть те двое, которых в субботу не было. Наши новые одноклассники. Я надеюсь, они будут часто прогуливать. Хочется спокойный год.

У входа в школу девочки заметили своих подруг и ушли к ним, продолжая обсуждать слухи. Савелий остался один, пошёл к питьевому фонтанчику, сделал несколько глотков и посмотрел на время.

До звонка оставалось всего пару минут.

— Отлично... — пробормотал он.

Подойдя к расписанию, он быстро нашёл нужный кабинет и направился туда, всё ещё прокручивая в голове услышанное.

Он заметил, что учителя еще были на собрании, а Кристина и Вероника снова составили ему компанию. Они стояли около расписания и вдруг Вероника продолжила их разговор, который был по пути в школу

— Слушай, ну ты же понимаешь, что с такими лучше вообще не связываться? — сказала она, глядя на Савелия. — Неважно, правы они или нет.

— Я понимаю, — коротко ответил он.

— Нет, ты не понимаешь, — встряла Кристина. — Вот реально. Такие люди — они вообще без тормозов. Сегодня ты просто мимо прошёл, а завтра им покажется, что ты косо посмотрел.

— Особенно этот Кирилл, который Сайракс, — добавила Вероника. — Я его видела мельком. У него взгляд... ну, такой.

— Какой?

— Страшный и холодный взгляд у него. Будто отчужденный и вот-вот огрызнется на любого...

Кристина фыркнула.

— Да у всех у них такие взгляды. Это же показуха. Типа «я опасный, не подходи».

— Не у всех, — возразила Вероника. — У Гордея, например, он другой.

— Ага, — усмехнулась Кристина. — У Гордея взгляд «я сейчас что-нибудь скажу, и ты обосрался».

Они засмеялись, но смех был нервный.

— Вот именно, — продолжила Вероника. — Гордей хотя бы понятный. Он орёт, лезет, самоутверждается.

— А новенькие — нет, — подхватила Кристина. — С ними вообще непонятно, чего ждать.

Савелий слушал, не вмешиваясь.

— Ты видела эту Арину? — вдруг спросила Кристина.

— Сестру?

— Да. Она на вид такая хрупкая, но такая... — Кристина повертела рукой в воздухе. — Злая.

— Она не злая, — автоматически вырвалось у Савелия.

Обе девушки посмотрели на него.

— Ты её защищаешь? — прищурилась Вероника.

— Я просто... — он замялся. — Не думаю, что всё так, как говорят.

Кристина пожала плечами.

— Вел, ну мы же не из воздуха это берём. Про них уже половина школы говорит.

— Да, — кивнула Вероника. — Когда о человеке столько слухов, это не просто так.

— Слухи — это тоже воздух, — тихо сказал он.

Кристина усмехнулась.

— Ты слишком добрый. Или наивный.

— Или просто не хочешь верить в то, что люди бывают реально отбитые, — добавила Вероника.

Они остановились у входа.

— Вот смотри, — продолжила Кристина. — Гордей — он мудака, да. Но он тупо запугивает и все, я даже не уверена, что он кого-то сильно бил, так показать кто тут главный дебил и все.

— А эти — какие-то... — Вероника подбирала в голове подходящее слово, но так и не нашла более подходящего, чтобы описать. — ебнутые. Как будто им уже всё равно на все...

— Такие обычно и опаснее всего, — кивнула Кристина. — Им терять нечего.

Савелий сжал лямку рюкзака.

— А если они просто не хотят, чтобы их трогали?

Вероника хмыкнула.

— Тогда надо сидеть тихо, а не драться за гаражами.

— И не калечить людей, — добавила Кристина. — Ты вообще слышал, что говорят?

— Нет.

— Что этот Сайракс кому-то ногу сломал раньше.

— Или ему, — поправила Вероника. — Там версии разные.

Они замолчали.

— В любом случае, — подытожила Кристина, — я бы с такими не хотела стать врагами.

— Я тоже, — сказала Вероника. — Лучше уж знать, чего ждать от Гордея, чем вот это всё.

Она посмотрела на Савелия.

— Ты просто будь осторожен, ладно?

— Я и так осторожен.

— Нет, — тихо сказала она. — Ты — наивный и тихий.

Девочки улыбнулись, но напряжение никуда не делось.

— Ты если что — не лезь. — сказала Вероника

— Не собирался, — ответил он.

— Вот именно, — сказала Кристина. — И не надо начинать.

Вероника отвлекалась на телефон, а позже попросила:

— Вел, сходи, пожалуйста, за мелом к охраннику, а мы пока в класс пойдем. Если учитель придет, то мы его предупредим.

— Ладно.

Пока Савелий шел к кабинету, он размышлял над тем, почему Арина учится с ним в одной школе *«Ладно еще Кирилл, но Ари слишком умная, чтобы учиться с такими, как и я»*.

В классе стоял привычный утренний шум — стулья скрипели, кто-то смеялся, кто-то листал телефон. Савелий увидел, как вокруг среднего ряда собрались новенькие из 11 школы. А в самом конце расположились его друзья. В классе собрались практически все ученики. Кристина, Света и Вероника мыли доску, тихо перешёптываясь.

— Мне они вообще не нравятся... — прошептала Вероника, не сводя глаз с Кирилла. — Лицо у него такое...

— Симпатичное, — усмехнулась Света.

— Ты серьёзно? — Кристина оторвала взгляд от доски. — Красивый — не значит нормальный.

— Красивый, пока не втащит кого-нибудь, — заметила Вероника. — Я таких уже видела. Сначала «ой, загадочный», а потом — «зачем я связалась с этим абыюзером».

— А девочки эти как? — спросила Света.

— Арина и Алла? — уточнила Вероника.

— Да.

— Они вроде адекватные, — прошептала Вероника. — Глаза у Арины разного цвета. Не знаю, это линзы или от природы...

С передних парт доносились разные слухи о новеньких. А в это время Кирилл, глядя на своих друзей, грубо произнес:

— И вообще, меньше слухов — больше тишины.

Веня усмехнулся:

— О, защитник включился.

Кирилл медленно повернулся:

— Я не защищаю. Я предупреждаю.

Арина только облокотилась на Кирилла.

В классе стало чуть тише.

Кристина, вытирая руки о тряпку:

— Блин, вы можете не начинать с утра галдеж? Второй день учебы...

Савелий сделал шаг — и в этот момент Кирилл и Арина почти синхронно обернулись.

— Ну почему мы должны учиться с этим придурком в одном классе? — одновременно сказали Арина и Кирилл.

Савелий на секунду замер.

Родственники, — подумал он. — *Иначе не скажешь.*

— Вы его знаете? — спросил один из ребят, тот самый красноволосый, к которому Савелий подходил в субботу. Сегодня его волосы, как и у его близняшки, были выкрашены в странный рыжеватый оттенок. — Он в субботу про вас спрашивал.

Они всегда красятся одинаково? — мелькнуло у Савелия. — *Что за семейные привычки...*

Он подошел ближе.

— Кир, Ари давайте поговорим. — говорил он с надеждой в голосе

— Нам не о чем, — отрезала Арина, не глядя на него.

Кирилл встал перед Савелием, а Арину рукой поставил за собой, так что Савелий было ее почти не видно. Лишь пару глаз. Пару разноцветных глаз, которые никак не выходили у него из головы.

— Я хочу с вами поговорить — продолжил Савелий.

— Ты глухой или тупой? Не слышал, что они сказали? — сказала Алла.

— Я просто хочу поговорить, — сказал Савелий тише.

— Ты не понял с первого раза? — вмешалась Алла. — Или с восприятием проблемы? — покачала она указательным пальцем у виска

Кирилл выставил руку, останавливая её.

— Алл, не надо. — Потом посмотрел на Савелия. — Не связывайся с нами.

— Ты его боишься? — с насмешкой спросила Алла.

Кирилл даже не улыбнулся.

— Нет — он кинул недовольный оценивающий взгляд сверху вниз по Савелию —но вам всем стоит обходить этого человека стороной

Кристина подошла и нахмурилась:

— Подальше? Ты сейчас серьезно? Савелий вообще-то один из самых адекватных в классе.

— Кто это? Вы знакомые? — спросил Веня, глядя на Кирилла

Кирилл медленно перевел взгляд на него.

— Я и моя сестра не имеют никаких дел с подобными уродами. И вам рекомендую держаться от него подальше.

по классу прокатилась волна перешёптываний.

— Он сейчас про кого?

— Про Савелия, ты что.

— Офигеть.

В этот момент в класс зашел Гордей, Матвей и Даниил — почти одновременно с учителем.

Гордей хлопнул Савелия по плечу:

— Ну че, одноклассники.

— По местам, — резко перебила Светлана Анатольевна. — Звонок был для кого? А? Второе сентября, а вы уже цирк устраиваете.

Кирилл усмехнулся. Это было почти незаметно — но Савелий увидел.

За пару минут до конца урока зашла классная руководительница — Татьяна Ивановна.

Вероника шёпотом Кристине:

— Мне это вообще не нравится.

— Да, у меня тоже какое-то плохое чувство

Спросила про отсутствие, напомнила про сообщения в чате, а потом задержала взгляд на рассадке.

— Почему сидите группами? — сухо спросила она. — Садимся вперемешку. Мальчик-девочка.

Свободные места оставались только у задних парт — рядом с Матвеем, Гордеем, Данилом и Савелием.

Савелий поднял взгляд на Арину и чуть кивнул, предлагая пересесть к нему.

Кирилл повернулся мгновенно:

— Даже не думай. Забудь вообще о своем и нашем существовании.

Арина, не говоря ни слова, села рядом с Гордеем.

Савелий резко встал:

— Татьяна Ивановна пусть Арина сидит с Кириллом. Они все-таки брат и сестра, может можно сделать исключение? — это голос звучал никак просьба, а скорее как приказ. Его голос был столь низким, непохожим на того самого Савелия.

Весь класс с удивлением посмотрел на Савелия, мальчик, который учился с ними весь 10 класс резко пропал, осталась лишь оболочка.

В классе стало слишком тихо.

— Алексеев, — протянула учительница. — Ты решил вести урок?

— Я просто не хочу, чтобы они сидели вместе.

Арина, глядя на Савелия усмехнулась:

— А что такого в том, что я сижу с ним? — Потом посмотрела на Гордея, затем на Савелия:

— Не понятно кто из вас хуже...

Гордей усмехается:

— Да ладно тебе Савелий, че ты такой напряжённый.

Арина поворачивается к нему:

— Ты вообще не лезь.

Гордей поднимает руки:

— Окей-окей, без агрессии.

Савелий старался не говорить с ней грубо, и всеми силами сдерживал свой грубый тон, сжимая кулаки:

— Ты не будешь сидеть с ним. Сядь пожалуйста обратно к Кириллу.

Арина холодно уставилась на него.:

— Ты меня слышишь?

Савелий не отводил глаз:

— Слышу.

Кирилл, подпирая голову о руку наблюдал за этим с ленивой, раздражающей улыбкой.

Савелий понимал, что они его ненавидят. Но как Кирилл может допускать того, что Арина сидит с тем, с кем он вступает в драки.

Татьяна Ивановна стояла и молча наблюдала.

— Я сказала тебе не приближаться ко мне, так что будь ти-хо-ней — по слогам произнесла она — и сядь уже на место, у нас ещё идет урок.

Тут вмешался Гордей, посмотрев на Савелия, а затем переведя глаза на Арину:

— Не переживай, я не кусаюсь — и положил руку на спинку стула Арины.

Савелий продолжил говорить сквозь зубы:

— Арина. Сядь обратно.

— Не командуй мной, — холодно сказала она, подняв левую бровь. — Мы с тобой даже не знакомы.

Кирилл наблюдал за этим, а затем решил вмешаться:

— Савелий, остановись. Ты выглядишь глупо.
В классе кто-то хмыкнул.
— Убери руку, — сказал Савелий Гордею
— Ты чего, — усмехнулся Гордей. — Ревнуешь?
И вот тут Савелий сделал то, чего от него точно не ожидал
Савелий разжал кулаки, обошел Гордея, поднял Арину со стулом и понес ее на место
вперед к Кириллу.
половина класса ахнула.
— Ты видела?! – спросила Кристина у Вероники
— Он что, с ума сошёл?!
— Алексеев! — резко сказала Татьяна Ивановна. — Алексеев, поставь новенькую на место! Живо! Ты вообще понимаешь, что делаешь?!
Савелий не обращал на ее слова никакого внимания.
— Отпусти, — прошипела Арина. — Ты идиота кусок?
Веня же уже вставал, но Кирилл успел ему сказать:
— Не вмешивайся, она может упасть.
— Ты, придурок, отпусти меня. У тебя есть 3 секунды или я сломаю тебе руку!
Савелий поставил ее рядом с местом Кирилла, потом на ушко ласково шепнул:
— Тогда после перелома тебе придется ухаживать за мной и всегда быть рядом. Так сказать, ты сможешь взять ответственность за свои действия и быть со мной рядом двадцать четыре на семь? — после он похлопал своими густыми ресницами прямо перед ее лицом.
— В твоих мечтах — шепотом сказала Арина.
После Савелий просто улыбнулся. Выпрямился.
Веня, сидящий рядом ему сказал:
— Еще раз выкинешь что-то подобное или дотронешься до нее. Я. Сломаю. Тебе. Лицо.
Савелий бросил на него коротки взгляд, повернулся лицом в сторону учителя и уже спокойным, почти ласковым и прямо-таки прилежным тоном сказал:
— Татьяна Ивановна прошу прощения, может сделаем все-таки исключение, чтобы не было конфликтов?
— Алексеев, не слишком ли много ты себе позволяешь? Сел быстро на место, и чтобы больше я не видела никаких выкрутасов. Вероника и Света, составьте список, кто где сидит. И чтобы больше мне на вас никто не жаловался. В школу вообще-то учиться приходят, а не отношения выяснять. И чтобы без спектаклей.
Савелий, услышав, что Вероника и Света должны написать список, сел на свое место и изо всех сил старался не смотреть на Кирилла с Ариной, так как прекрасно понимал: взглянув на них, он явно заулыбается во весь рот, а монолог учительницы продлится еще надолго.
Со звонком класс почти мгновенно опустел. Савелий заметил это слишком поздно — он еще пару секунд сидел за партой, собирая вещи, и только потом поднялся. В коридоре уже никого не было. Он машинально пошел в сторону другого кабинета, даже не сразу понимая, зачем.
На одной из перемен он решил пройтись и заметил на школьной лавочке знакомую компанию: Кирилл и Арина сидели вместе с близнецами и тем самым парнем с хвостиком, которого в прошлый раз Арина буквально тащила на себе. Савелий невольно сжал пальцы в кулак так, что костяшки побелели.
Проходя мимо, он уткнулся в телефон, но старался прислушиваться к их разговорам. Также он слышал, как одна из близнецов — судя по всему, её звали Алла — позвала этого уродца по имени.
«Значит, Тимофей. Банальное имя, впрочем, как и вид этот вртохуец».

Он достал телефон и написал Вике — просто чтобы отвлечься, спросить, как прошёл её первый день в вузе. Ответ прилетел почти сразу — и не один. Сообщения сыпались одно за другим, так что он даже подумал: «Может, не надо было спрашивать?». Оказалось, что пар в первый день почти не было, и Вика предложила подойти к его школе и подождать его там, на что Савелий не ответил отказом.

Арина и Кирилл на протяжении всего дня старались не контактировать с ним. Со звонком сразу уходили, а на уроки заходили вместе с учителем.

Савелий понял, что они избегают его, и решил дать им время.

Через некоторое время Вика написала, что уже у школы. А потом резко пропала. Ни на сообщения, ни на звонки она больше не отвечала. Савелий почувствовал, как в ладонях появилась неприятная дрожь. Он вышел на улицу, несколько раз огляделся — Вики нигде не было. Это было странно. Она всегда отвечала, даже если была занята.

В голове начали крутиться тревожные мысли: «А вдруг снова...». Он уже хотел развернуться, как заметил, что у «курилки», где обычно собирались новенькие из одиннадцатой школы, слишком шумно. Савелий пошёл в ту сторону, делая вид, что ему просто по пути.

Подойдя ближе, он сразу увидел Вику. Она стояла в стороне и громко смеялась. Чуть впереди, ближе к нему, были Кирилл и тот самый парень с хвостиком.

«Отлично, — подумал Савелий с ноткой сарказма. — Вика, Кир и этот уродец Тимофей. Арины не видно. Просто идеально».

«Раз Вика так смеётся, стоит дать ей время наболтаться вдоволь. В этом есть свой плюс — потом на меня меньше энергии останется. А вот поговорить сейчас с Кириллом — это шанс».

Он сделал ещё пару шагов. Кирилл обернулся. Улыбка моментально исчезла, лицо стало недовольным. Парень рядом посмотрел на Савелия с недоумением.

— Я, по-моему, довольно ясно дал понять, чтобы отвалил от меня? — холодно сказал Кирилл.

— Давай поговорим, — тихо ответил Савелий. — Пожалуйста.

Он выглядел растерянным: опущенные плечи, взгляд — будто сейчас его накажут. Кирилл шагнул к нему и резко схватил за воротник пиджака.

— То, что я вообще с тобой разговариваю, — это уже милость, — процедил он сквозь зубы.

— Кир... прости меня, — Савелий сглотнул. — Я правда не хотел тебе вредить. Я надеялся, что мы ещё можем... восстановить.

Он не договорил. Удар пришёлся резко и неожиданно. Савелий пошатнулся, машинально дотронулся до губы и увидел кровь.

Вокруг стало тихо. Те, кто стоял рядом, обернулись — кто с непониманием и растерянностью, кто с интересом в ожидании продолжения.

— Если хочешь — бей, — сказал Савелий спокойно. — Я заслужил это.

Кирилл усмехнулся.

— Отлично. Раз ты сам просишь.

Он коротко бросил своему другу:

— Тим, не вмешивайся.

И снова ударил. Савелий не отвечал — только закрывал лицо руками, пятился назад, чувствуя каждый удар.

— Что, даже не дашь сдачи? — кричал Кирилл. — Не похоже на тебя! Дерись!

— Я не буду тебя бить, — крикнул Савелий.

Он отступил ещё шаг и упёрся спиной в холодную кирпичную стену. В этот момент он услышал голос Вики:

— Вел!

Голос Вики прозвучал слишком близко. Савелий машинально повернул голову — на долю секунды, не больше. Этого хватило. Он не успел поднять руку, не успел напрячься.

Удар пришёлся в висок. Не самый сильный — бывало и хуже. Но в этот раз тело не выдержало: он был перегружен своими чувствами, у него не осталось сил. В ушах резко зазвенело, будто кто-то хлопнул по металлу, картинка перед глазами поплыла. Он почувствовал, как ноги подламываются. Затылок скользнул по шершавой кладке стены, и в голове промелькнула последняя мысль: *«Да, давно же я не улетаю в нокаут. Хороший удар, Кир»*, — и он просто отключился.

Глава 6

Пока Савелий был в отключке, ему привиделся сон... а точнее воспоминания, что так грели его сердце.

Савелий всегда был и остается очень гиперактивным ребенком. Мысли у него появлялись раньше, чем он успевал их осознать, а действия — раньше, чем взрослые успевали сказать «нельзя». Сейчас ему пять лет, и в группе он — фигура известная. Его либо боятся, либо уважают, либо стараются не попадаться на глаза. Чаще — всё сразу.

Он очень любит подшучивать над другими детьми.

Вот несколько случаев за последние несколько лет в детском саду.

Когда Савелию было три года, он кусался. Ему не нравилось, что другие дети играли с его игрушками. Несколько ребят ушли с укусами, один — с укусом на лице. Тогда он ещё не умел выражать свои мысли красиво. Зато зубы работали безотказно. После этого взрослые стали внимательнее, а Савелий — хитрее.

Чуть позже Савелий освоил главное оружие человечества — слово, и подшучивать над детьми стало его главным развлечением.

Однажды, глядя в окно, он сказал:

— Видите облака? Их делает завод.

Дети подняли головы. Один поверил. Савелий сразу это понял и добавил:

— Только тебе облако в руки не прилетит. Ты слабый и хилый. Даже черепашка и то получит одно облачко.

Мальчик заплакал. Савелий сделал удивленный взгляд: «почему же ты плачешь, бедняжка?». Потом повторил эту шутку ещё несколько раз — результат был всегда одинаковым.

В туалете он однажды устроил целое представление. Стоя у раковины и внимательно разглядывая свои ладони, он переворачивал их то к себе, то от себя, привлекая всеобщее внимание. Когда мальчики заметили это и стали спрашивать, что он делает, Савелий серьёзно сказал:

— У меня грязные руки. Тут так много бактерий. Оказывается, их нужно правильно смывать.

Потом он добавил:

— У вас тоже руки грязные. Там бактерии. Вы неправильно их моете.

И показал на унитаз. Перед обедом полгруппы стояло в туалете и нажимало кнопку слива вместо того, чтобы мыть руки. Воспитатели вошли — и на несколько секунд замерли, не зная, смеяться или хвататься за голову.

С молочным супом Савелий пошёл дальше. Ему уже целую неделю не нравилось есть его на завтрак, и он подговорил детей устроить забастовку. Суп выливали в раковину. Кто-то — в аквариум. Рыбки молча приняли участие в протесте.

Вечером Савелий рассказал о своих проделках родителям и брату за ужином. А тех, кто додумался вылить суп в аквариум, он называл дураками. Родители, конечно, его поругали, а брат сидел за столом и еле сдерживал улыбку, чтобы не рассмеяться.

Во время тихого часа Савелию не хотелось спать, и он стал задавать другим детям интересные вопросы:

— А ты откуда появился?

— Аист принёс, — ответили несколько детей.

— В капусте нашли, — сказали другие.

Савелий кивал, а потом подытожил:

— Значит, вы своим мамам не родные. А меня моя мама родила.

Сказано это было без злости — почти с гордостью.

Конечно, многие дети снова расплакались, а Савелия поставили в угол. Даже когда его ругали, он не чувствовал стыда — только внутреннее веселье и лёгкую печаль от того, что его сейчас накажут. Но он знал: каждая шутка того стоила.

Дома было не спокойнее. У Савелия был старший брат — Рома, четырнадцатилетний серьёзный парень, который занимался муай-тай и готовился к званию кандидата в мастера спорта. Роме часто приходилось забирать Савелия из детского сада и брать его с собой на прогулки. Иногда — с девочками.

Рома знал, что многие девочки тепло относятся к детям, и это нередко привлекало к нему внимание — за счёт младшего брата.

В тот день Роме нужно было забрать этого мелкого негодника из садика, хотя у него было запланировано свидание с девушкой, которая ему безумно нравилась уже несколько месяцев.

Рома забрал Савелия, встретил свою ненаглядную, держа младшего брата за руку. Не прошло и десяти минут, как Савелий выдал:

— Ром, вчерашняя девушка была симпатичнее.

Он посмотрел на девочку, шедшую рядом с братом, и добавил:

— Ты тоже ничего, но та хотя бы конфеты мне принесла.

Нужно было видеть лицо Ромы. Девушка ему действительно нравилась. А вчерашней девушки, разумеется, не существовало — Савелий её придумал.

Рома пытался оправдываться, объяснять, что младший брат всё выдумывает, но прогулка закончилась стремительным возвращением домой. Сказать, что он мечтал избавиться от Савелия хотя бы на вечер, — не сказать ничего.

Дома Савелий забежал в комнату Ромы, когда тот делал уроки и не хотел играть. В знак протеста Савелий разрисовал все тетради. Это стало последней каплей. Рома ударил его.

Савелий заплакал и убежал к родителям.

Отец, Николай, провёл с ними разговор. Он говорил спокойно, но его слова значили многое. Николай был тренером по муай-тай, мастером спорта международного класса. Он знал, что сила — это ответственность, и объяснил, что бить друг друга нельзя ни при каких обстоятельствах.

После этого разговора они больше никогда друг друга не били.

Мария — мама Савелия и Ромы занималась переговорами и контрактами — раньше она была агентом Николая, пока тот не ушёл из профессионального спорта.

Когда у Ромы были соревнования, Савелия оставляли у бабушки с дедушкой. Иногда кто-то из родителей оставался дома. Иногда — нет. Но Савелий всегда находил, чем заняться.

На следующий день после ссоры с братом Савелий пришёл в детский сад немного расстроенным после вчерашних разговоров.

И в этот день в группе появился новенький.

— Эй, ты не можешь трогать мои вещи, — произнёс самый задиристый мальчик в группе. — Мои вещи могут трогать только мои друзья. А ты вообще кто такой?

— Я-я-я... — запинаясь, говорил новенький мальчик.

Савелий посмотрел на него оценивающим взглядом и толкнул незнакомца.

— Ты чего творишь? Нормально ли обижать того, кто слабее тебя и не сделал ничего плохого? — сказал мальчик, упавший на пол.

— Ну и что ты сделаешь? Нажалуешься своей мамочке? Или позовёшь воспитательницу? — усмехнулся Савелий.

— Пф... ахахах, — ухмыльнулся мальчик. — Я что, похож на ябеду?

Он резко встал и набросился с кулаками, крича и толкая своего обидчика:

— Даже если у меня нет сил, я всё равно побью тебя!

— Ахахаха! — закричал соперник. — Щекотно, перестань!

Лицо мальчика, который только что накинулся на него с кулаками, изменилось: ненависть спала, он замер и сделал удивлённое выражение.

— Тебе не больно? — с ошарашенным видом спросил он.

— Ну, неприятно, конечно. Но ты забавный. Давай дружить?

— И ты всех сначала бьёшь, а потом предлагаешь дружить?

— Нет, только тебя, — сказал мальчик, который не хотел делиться своими игрушками. — Меня зовут Савелий, но можешь звать меня Вел. Так меня называют родители и старший брат.

Он протянул руку.

Новенький внимательно посмотрел на него, задумался на пару секунд и сказал:

— Меня зовут Кирилл.

Он тоже протянул руку и пожал её.

— О, тогда я буду звать тебя Кир. Кирилл слишком длинно.

Кирилл закатил глаза и сказал:

— Хорошо. Но не смей больше меня обижать, иначе я не буду твоим другом.

Савелий послушно посмотрел на него и кивнул.

Кирилл был спокойным мальчиком по сравнению с Савелием, хотя с началом их дружбы Савелий стал впутывать в свои проделки и Кирилла.

Через забор они наладили торговлю. Орехи росли на территории школы, а первоклашки покупали их у Савелия и Кирилла. Дело шло хорошо, пока воспитатели не заметили этот «бизнес» и не закрыли его.

Однажды Савелий уговорил одного мальчика пролезть через забор. Кирилл стоял рядом и поддакивал, приводя убедительные аргументы. Но мальчик не смог. Он застрял.

Пришлось вызывать МЧС.

Если раньше проблемы воспитателям доставлял только Савелий, то со дня их знакомства на их головы свалилось уже две головные боли.

Как-то раз за Кириллом в детский сад пришла мама — Наташа. Рядом с ней стояла маленькая девочка.

У Наташи и девочки были одинаковые белоснежные волосы, похожие черты лица и одинаковой формы глаза. Но была одна особенность: у мамы Кирилла глаза были изумрудно-зелёные, а у девочки — один глаз изумрудно-зелёный, а другой карий.

Савелий уже видел маму Кирилла раньше и при каждой встрече говорил ей комплименты — от «Какая вы сегодня красивая» до «Ваша улыбка разбивает мужские сердца».

Савелий вопросительно посмотрел на девочку, прячущуюся за мамой, и спросил:

— А ты кто такая? Я тебя раньше не видел.

Кирилл легонько толкнул друга в плечо:

— Эй, ты что, слепой? Не видишь, как мы похожи? Это моя младшая сестра.

Наташа стояла рядом и с улыбкой наблюдала за детьми.

— Ты не говорил, что у тебя такая красивая сестра, — сказал Савелий, подойдя ближе. — Как тебя зовут? Раз ты сестра Кирилла, то теперь мы тоже с тобой будем друзьями. Давай дружить.

Кирилл встрял в их знакомство и сказал:

— Конечно она красивая. Её брат всё-таки я.

Савелий и маленькая девочка неловко усмехнулись. Затем девочка отпустила мамину руку, протянула свою Савелию и сказала:

— Арина.

— А я Савелий. Но ты, как и Кирилл, можешь звать меня Вел.

Кирилл и Савелий часто общались и гуляли уже вне детского сада. Нередко они проводили время втроём — Кир, Вел и Арина.

Савелию нравилось расчёсывать Арине волосы. Он ласково называл её «Ариночка», «милая Ари».

Спустя пару лет Кирилл и Вел пошли в одну школу. Родители попросили распределить их в один класс, и с тех пор они стали не только друзьями, но и одноклассниками. Теперь учились в первом классе, а Арина всё ещё ходила в детский сад. Они всегда были дружны и любили проводить время втроём. Савелий относился к Арине, как к младшей сестре.

Когда они ночевали у Кирилла, Савелий расчёсывал Арине волосы перед сном, а утром заплетал ей косички перед садиком. Кирилл тоже иногда расчёсывал и заплетал сестрёнке волосы. Бывали дни, когда родителям было некогда, и дети оставались под присмотром друг друга.

Поэтому с самого детства они почти всегда были вместе.

У Арины в садике не было близких подружек, которых она приглашала бы домой. Ей нравилось ходить в детский сад, но ещё больше — проводить время с Савелием и братом.

Она смышлёная и умная девочка. С детства она любила читать детские энциклопедии и узнавать новое. В то время как Савелия приходилось заставлять учиться из-под палки. Родители особенно уделяли внимание английскому языку, и ещё с садика он занимался с репетитором два раза в неделю.

Кирилл книгами особо не увлекался. Зато Арина часто пересказывала ему то, что читала, а он всегда слушал её с интересом.

С четырёх лет Кирилл занимался футболом. Первый год был ознакомительным — скорее для того, чтобы привыкнуть к тренеру и мячу.

Из-за плотного расписания в будни дети чаще гуляли по выходным или ходили друг к другу в гости. Родители привыкли к их дружбе.

В детском саду у Арины проходил утренник. Ей было уже шесть лет, и она выступала в костюме лисички. Мальчикам после Нового года должно было исполниться по восемь лет.

Савелий застыл, когда увидел, как она танцует, и невольно открыл рот от её красоты. И, не подумав, сказал вслух:

— Я на ней женюсь. Я влюбился этого лисенка.

Кирилл стоявший рядом возмутился:

— Она моя сестра. Чтобы быть с ней, тебе нужно получить моё одобрение.

— Тогда я его получу, — ответил Савелий, ни секунды не раздумывая. — К тому же мы друзья. Ты знаешь меня лучше, чем кто-либо другой.

— Именно поэтому я и не хочу, чтобы ты находился рядом с моей сестрой.

После этого дня Савелий и Кирилл все чаще стали называть Арину «лисенок», это прозвище к ней так и приелось, что даже Мария и Наталья стали ее так называть.

Глава 7

Савелий чувствовал, как кто-то осторожно, но настойчиво хлопает его по щекам. В ушах всё ещё гудело, будто он находился под водой, а где-то сверху доносились приглушённые голоса.

— Смотри, он, кажется, приходит в себя...

— Ве-е-ел... очнись. Пожалуйста, просто очнись...

Он узнал этот голос сразу. Вика.

«Как же шумно», — промелькнуло в голове. Хотелось сказать это вслух, попросить всех замолчать хотя бы на минуту, но сил хватало только на мысли.

Он с трудом разлепил веки, несколько раз моргнул, пока всё перестало расплываться, и увидел такую картину: Вика сидела рядом с ним, на коленях, прижимая ладони к его плечам. Она плакала навзрыд — не сдерживаясь и не стесняясь никого вокруг. Рядом с ней была Алла: одной рукой она обнимала Вику за спину, а голову держала высоко поднятой, обращённой к мальчишкам. Алла кричала — громко, резко, с такими красноречивыми словами, которые раздавались больше в ушах Савелия, что каждое слово било сильнее недавнего удара. Она не просто ругалась, она не подбирала выражений, и по её напряжённому лицу было ясно: останавливаться она еще не скоро собирается.

Напротив них, чуть поодаль, сидел Веня. Он молчал, сжав руки в замок, и смотрел на Савелия так, будто не знал, куда себя деть. Получалось странно: с одной стороны от него — Вика и Алла, с другой — Веня. А он сам будто оказался в центре этой неловкой ситуации.

Остальные из одиннадцатой держались ещё дальше. Никто не подходил. То ли им запретили, то ли каждый решил, что так будет правильнее.

Кирилл и Тимофей стояли почти над ним.

Савелий сразу заметил Кирилла. Бледный. Слишком бледный. Губы сжаты, взгляд будто он всё ещё не до конца понимает, что произошло. Савелий знал это выражение. Он перепуган и при чем очень сильно.

Он медленно вдохнул, поморщившись от тупой боли в голове, и, не отводя взгляда от Кирилла, тихо сказал:

— Успокойся... Я жив.

Голос вышел хриплым, почти чужим, но этого хватило. Вика всхлипнула ещё сильнее и наклонилась к нему, будто боялась, что он сейчас вырубится.

Савелий перевёл взгляд обратно на Кирилла и добавил — уже чуть мягче, без упрёка:

— Ты не хотел... Я знаю. Я тебя не виню. Я сам настоял на том, чтобы ты меня ударил.

Он не защищал его и не обвинял. Просто сказал то, что чувствовал в этот момент. Кирилл дёрнулся, отвёл взгляд, стиснул челюсть.

А Савелий переключился на Вику, он взял ее за руку:

— Успокойся, со мной все в порядке. Видишь? Я уже встаю.

— Почему ты такой? — выдохнула она сквозь слёзы. — Почему ты никогда не даёшь сдачи?

Ему было важно только одно — чтобы она успокоилась.

— Потому что не всегда это нужно, — тихо ответил он.

— Я и не виню себя, — резко вставил Кирилл. — Ты сам напросился.

Вика резко обернулась к нему, собираясь что-то сказать, но Савелий опередил её:

— Да. Я сам виноват, — спокойно произнёс он. — Вик, пожалуйста. Давай просто уйдём отсюда. Хорошо?

Алла и Веня всё ещё сидели рядом. Алла перестала кричать, но смотрела на Кирилла так, будто всё ещё готова была продолжить. Веня уже подался вперёд, протягивая руку Савелию, молча предлагая помощь.

Савелий принял её. Алла тут же поддержала его с другой стороны.

— Осторожно, — коротко сказала она, уже без крика, но с твердостью в голосе.

Он поднялся медленно, ожидая, когда голова перестанет кружиться, а земля не будет уходить из-под ног. Вика тут же оказалась рядом, не выпуская его ладонь, будто боялась, что он снова рухнет.

Савелий на секунду обернулся. Кирилл всё ещё стоял на месте. Их взгляды пересеклись.

— Потом поговорим, — тихо сказал Савелий. — Не здесь.

Кирилл усмехнулся:

— Нам не о чем говорить, — бросил он. — Хочешь ещё раз отключиться?

Савелий выдохнул и засветился улыбкой, а потом добавил:

— Если вы с лисёнком решите продолжить... я, пожалуй, буду только рад.

Вика резко сжала его руку.

Алла нахмурилась ещё сильнее.

Веня недоумённо перевёл взгляд с Савелия на Кирилла. Тимофей дёрнулся, будто хотел что-то сказать, но промолчал. Кирилл на секунду задержал взгляд на Савелии:

— Смотри, не пожалей, — коротко сказал он.

И, не дожидаясь ответа, отвернулся и ушел.

Они остались вчетвером.

Веня стоял чуть в стороне, неловко переминаясь с ноги на ногу. Алла всё ещё держалась рядом, будто на всякий случай, и напряжение постепенно сходило с её лица.

— Слушай... — Вика осторожно провела пальцами по его волосам. — А что у тебя сегодня с причёской? Тебя не сильно приложили?

Она провела пальцами по его волосам, почти машинально, проверяя, нет ли крови.

— Она обычная, в школу я хочу с такой, — хрипло ответил Савелий. — Моя голова уже не в первой проходит испытания на прочность, так что не волнуйся, — он потянул руку, чтобы постучать по ней, но Вика заметила это и не дала этого сделать.

Она выдохнула и наконец слабо улыбнулась, а потом словно вспомнила что-то важное:

— А, кстати... Вел, это Алла и Веня. Я с ними до девятого класса в одной школе училась, потом я перевелась, а сегодня мы встретились. Я вообще половину школы знаю.

Алла кивнула:

— Приятно познакомиться. И... ты держался достойно.

Веня неловко улыбнулся, пожал плечами:

— Да ладно... главное, что ты очнулся, — и пожал Савелию руку. — Приятно познакомиться, — сказал он. — Мы уже начали переживать.

Через пару минут они попрощались. Алла строго сказала Вике написать, как только они дойдут, и, ещё раз глянув на Савелия, ушла вместе с Веней.

Они остались вдвоём.

Вика не сразу заговорила. Она просто шла рядом, крепко сжимая его руку, потом остановилась, посмотрела ему ещё раз в глаза:

— Ну как ты? — спросила она тихо. — Голова кружится? Тошноты нет?

Он снова улыбнулся:

— Немного не по себе, но в целом нормально.

Вика, видимо, была так сильно взволнована, что болтала больше обычного. Она начала говорить — быстро, сбивчиво, обо всём сразу: про первый день в вузе, про то, как было странно снова сидеть в аудитории, про преподавателей, про то, как она боялась потеряться, но всё оказалось не так страшно.

Савелий слушал вполуха, задумываясь: *«Как они стали друзьями? Вики порой было слишком много»*.

И вдруг она резко остановилась.

— Вел... — сказала она осторожно. — Только не смейся, ладно?

Он повернулся к ней.

— Мне кажется... я сегодня чуть не влюбилась, — выпалила она. — В Веню.

Савелий удивлённо посмотрел на неё.

— В смысле «кажется»?

— Ну... — она пожала плечами. — Это так глупо, — тут же добавила она, торопливо. —

Он и раньше был мне симпатичен, но сегодня... он был такиииим... — он вдруг задумалась и ярко улыбнулась — Спокойным. Надёжным. Когда ты был без сознания, именно он и Алла сразу начали помогать.

Она на секунду замолчала.

— Кирилл тоже пытался подойти... но я его не подпустила.

Савелий сглотнул.

— А сколько я был... — он запнулся. — В отключке?

— Минуты две. Может, три. Мы уже хотели скорую вызывать, — Вика понизила голос.

— Но Кирилл сказал, что не надо. Что ты придёшь в себя.

Он усмехнулся. А после они еще шли немного молча.

— Вел, — снова заговорила она. — Можно спросить?

Он кивнул.

— Ты когда-то говорил, что у тебя были друзья. Но подробно ты рассказывал только про Арину... что был в неё влюблён.

Она посмотрела на него внимательно.

— А что всё-таки случилось у вас с Кириллом? Что вас связывает?

Савелий медленно выдохнул, отвёл взгляд. Внутри него снова будто всё заболело. Ему было больно от самого себя. И если в последнее время он даже стал немного приходить в себя, то сейчас будто снова погрузился в собственное одиночество.

— Это долгая история, — сказал он наконец.

— Ты расскажешь мне, как будешь готов?

— Да, обещаю.

Глава 8

Прошло пару дней после удара Кирилла. Дни в школе протекали спокойно. Савелий все пытался поговорить с Ариной и Кириллом, но те лишь игнорировали его.

Савелий сидел в классе, положив голову на парту. Глаза слипались, мысли текли вязко и медленно. Он уже почти провалился в дремоту, когда дверь распахнулась с таким грохотом, что он дёрнулся, будто током ударило.

— Вы афигеете! — Кристина влетела, вся красная, запыхавшаяся, глаза горят. — Там этот Сайракс с Гордеем на первом этаже! Они окно разбили! Их Матвей с Тимофеем разнимали, ну тот, с хвостиком из параллели. А потом учителя прибежали, охранник, директор...

Савелий вскочил, сердце ушло в пятки.

— Где они сейчас?

— В медпункте... Или уже у директора, я не знаю...

Он не дослушал. Сорвался с места и побежал в сторону медпункта.

Пролетая мимо кабинета директора, Савелий краем глаза заметил Арину. Она стояла с Матвеем и Димьяном, бледная, напряженная, будто её вот-вот стошнит. Завуч что-то вещала им, размахивая руками, но Савелий даже не притормозил.

Дверь медпункта распахнулась, и он застыл на пороге.

Кирилл сидел на кушетке. Одежда в крови, лицо опухшее, под глазом — синева, губа разбита. Напротив, на стуле — Гордей. В таком же состоянии, но с перевязанной рукой.

«*Это кровь Гордея*», — пронеслось в голове Савелия, и внутри он почувствовал облегчение, такое острое, что на миг закружилась голова из-за этого ему пришлось опереться рукой о косяк.

— Какой у тебя тупой вид, — Кирилл скривился, но голос дрогнул.

— Ты выглядишь не лучше, — Савелий шагнул ближе, рука сама потянулась к его лицу. — Как ты?

— Эй, ты чо делаешь, придурок? — Кирилл дёрнулся, бросая недовольный взгляд на Савелия. — Руки убрал.

— Кир... Хочу посмотреть на твоё красивое лицо поближе, — Савелий попытался улыбнуться, но вышло скорее устрашающе.

— Мы не друзья. Так что съеби.

— Кир, прекрати. Я же волнуюсь.

— Я сказал тебе съебать. Что непонятного?

— Арина тоже участвовала?

Кирилл посмотрел на него. И в этом взгляде было столько всего, что Савелий на мгновение забыл, как дышать.

— Не приближайся к моей сестре, — сказал Кирилл тихо. Очень тихо. Так что, Савелий понял, лучше сейчас никак не провоцировать и не шутить.

— Тогда расскажи мне, что произошло.

— Тебя это ебать не должно. — Кирилл встал. — Как же ты раздражаешь.

— Кхм. Кхм.

Гордей кашлянул. Напоминая о себе.

Оба резко обернулись. Совсем забыли, что он тут. Гордей смотрел на них с кривой усмешкой, но в глазах мелькнуло что-то похожее на понимание.

— Что у вас за проблемы? — спросил Савелий, переводя взгляд с одного на другого.

— Съеби уже, — рявкнул Кирилл и сел обратно. Отвернулся к стене, будто не мог больше смотреть. — Сейчас медсестра придёт.

— Кир, прекрати. Вы окно разбили. Тебя на исправительные работы могут отправить. Ты вообще понимаешь это?

— А ты мне кто, чтобы я тебя слушал?

— Я твой друг.

Кирилл медленно повернул голову. Посмотрел на Савелия так, что тот почувствовал, как внутри всё обрывается. Это был взгляд человека, который искренне его ненавидит.

— Не помню, чтобы у меня был такой друг, как ты. — Голос его дрогнул, но он сжал челюсть до хруста. — Мой друг умер. — Он замолчал на секунду, но именно эта секунда причинила Савелию внутреннюю боль, от которой он хотел провалиться сквозь землю. — Так что просто свали. Пока я снова тебя не вырубил.

— Хватит вести себя как ребёнок! Это не шутки! — Савелий уже не сдерживался. Голос сорвался на крик. В нём было всё — боль, отчаяние, злость на себя и на него. — Ты разбил окно! Тебя исключить могут! Ты об этом подумал? Или хотя бы о близких? Что будет делать твоя мать? Арина?

— Съеби нахуй отсюда. — Кирилл встал, подошёл почти вплотную. — Твоё пребывание в моей жизни кратковременное. Так что соизволь съебать из неё. У тебя хорошо это получается. — Он ткнул пальцем в дверь. — Дверь и дорога нахуй, которую ты знаешь — там. Проваливай.

Савелий смотрел на него несколько секунд. Внутри всё кипело, рвалось наружу, хотелось заорать, вмазать, разнести здесь всё к чертям. Но он только сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, до крови. Развернулся. Вышел.

Дверь за ним грохнула так, что, кажется, стены вздрогнули. Звук разнёсся по пустому коридору и стих.

«Мой друг умер» — это я могу понять. Это я заслужил.»

Савелий резко остановился посреди коридора, чувствуя, как внутри закипает и сдавливают горло.

«Но «дорогу нахуй ты знаешь» — это уже перебор».

— Я что, блять, педик ебанный? — вырвалось вслух. Он оглянулся — никого.

«Ничего не имею против них, существуют и существуют, но я-то... я же блять не пидорас... За кого он меня принимает?»

Он выдохнул, провёл рукой по лицу. Ладони дрожали. Пальцы ледяные.

««Дорогу знаешь?» Как шлюхе какой-то. Как последнему... нет, ну серьёзно?»

Он прислонился спиной к стене, закрыл глаза и в его голове предстало лицо Кирилла.

«Сам был против драк. Сам всегда говорил: «Можно решить словами, нахера кулаки распускать?» Учитель хренов. А теперь что? Окно разбил. Морду ему расквасили. И стоит теперь, смотрит будто Савелий во всём виноват. Кличка «Сайракс» настолько заразная? Опьяняет? Превращает нормальных людей в придурков?»

Савелий открыл глаза, посмотрел в потолок.

«Как же хочется ему разок вьебать. Для профилактики...»

Он постоял так несколько секунд. Потом глубоко вдохнул.

— Вел, терпи, — сказал он тихо сам себе. — Прощение легко не даётся. Ты хотел вернуть друзей? Получай. Только так, через боль и дерьмо.

«Ладно, всё, хватит негатива. Савелий, и не такие метели тебе в рожу летели. Друзей ты точно сможешь вернуть».

Он оттолкнулся от стены и пошёл в класс.

Учительница даже не обернулась — только скользнула взглядом и продолжила что-то чертить на доске. Савелий сел за парту, уставился в одну точку перед собой.

Через несколько минут дверь снова открылась. Вошли Кирилл и Гордей. Молча. Кирилл даже не посмотрел в его сторону — просто рухнул на своё место через проход. Гордей плюхнулся рядом с кем-то из своих, что-то буркнул и уткнулся в телефон.

Прозвенел звонок. Кирилл и Арина вышли, даже не взглянув на Савелия. За ними потянулась вся их стая — Алла, Веня, Димьян и еще пара человек.

На перемене Савелий подошел с Кристине с Вероникой. Эти девочки всегда были в курсе всех новостей.

— Девчонки, — остановился рядом. — Что там случилось? С Сайраксом этим... С Кириллом?

Вероника оживилась мгновенно:

— Ой, Вел, ты не представляешь! Этот псих долбанутый! Говорят, это он толкнул Гордея прямо в окно! Специально!

— Да не слушай ты её, — Кристина закатила глаза. — Вечно драматизируешь. Я слышала другое: Гордей сам на него попёр, споткнулся и влетел в стекло. А Сайракс даже не трогал его.

— Ага, а кто тогда ему руку перевязал? — фыркнула Вероника.

— Медсестра, — отрезала Кристина. — Ты вообще включи логику.

Они ещё что-то говорили, перебивая друг друга, но Савелий слушал вполуха. А потом Вероника вдруг посерьёзнела и положила руку ему на плечо:

— Слушай, Савелий. Ты это... Держись от них подальше, ладно? От этого Сайракса и всей их компании. Ненормальные они. Сегодня окно разбили, завтра кого-нибудь покалечат. Не связывался бы ты с ними.

— Ага, — поддакнула Кристина. — Ты же нормальный, зачем тебе ввязываться в их проблемы?

Савелий посмотрел на них. На их искренние, обеспокоенные лица. Кивнул:

— Зачем вы так, если вы их совершенно не знаете? — голос Савелия прозвучал тише, чем он ожидал. — Вы их по слухам судите.

Вероника удивлённо подняла брови:

— А ты, получается, знаешь? Ты же с ними в первый день познакомился.

Савелий промолчал.

«Сказать правду? Что я знаю их с детства? Что они были для меня семьёй? Что я сам виноват в том, что теперь они на меня смотрят как на пустое место?»

— Ладно, Вел, — Кристина пожала плечами. — Дело твоё. Мы тебя ещё тогда предупреждали, чтобы ты с ними не связывался. Все наши из семнадцатой считают компашку Сайракса опасной. Не приближайся к ним.

— Да, — подхватила Вероника. — Нам с Кристиной не хочется, чтобы ты пострадал от них.

Савелий посмотрел на них. Две девчонки, которые правда переживают. Которые видят ситуацию со стороны и хотят как лучше. Им не объяснишь, что он уже пострадал. Давно. И совсем не так, как они думают.

— Спасибо, — сказал он коротко. — Я понял.

Они ещё постояли, переглянулись и отошли к другим.

Уроки прошли быстро. После них он решил встретиться с Викой и рассказать ей о своем прошлом.

Глава 9

— Когда-то Кирилл и Арина были для меня не просто друзьями. Они были мне как семья.
Савелий

Когда Савелию и Кириллу было лет по семь–восемь, Савелий почти никогда не пропускал его матчи. Он приходил заранее — с коробкой сока, иногда с какими-нибудь конфетами, садился на трибуны, болтал ногами и смотрел на поле так внимательно, будто это он бежит по полю.

Правила он понимал плохо. Савелий искренне пытался понять и даже заучить все эти нормы, но ему это удавалось с трудом. Кто кому пасует, за что свистят — всего этого он не понимал. Поэтому Савелий просто следил за Кириллом. Только за ним. Как тот бежит. Как злится, если промахивается. И как вдруг расцветает в улыбке, расправляя свои плечи, когда мяч всё-таки попадает в ворота.

Каждый раз, когда Кирилл забивал, Савелий вскакивал с места и кричал во всё горло:

— Урааа! Гооол!

Ему было всё равно, на реакцию других людей. После игры Кирилл всегда подбегал к ограждению — вспотевший, красный, с растрёпанными волосами.

— Ты видел? — спрашивал он, задыхаясь.

— Видел, — честно отвечал Савелий, глядя на него широко раскрытыми глазами. — Ты просто нереально крут.

Кирилл смеялся, толкал его плечом.

— Да ладно, не преувеличивай.

— Я не преувеличиваю, — упрямо говорил Савелий. — Ты был самым быстрым.

После матчей они шли во двор. Кирилл бросал рюкзак под скамейку, доставал мяч и кивал в сторону площадки.

— Вставай сюда. И смотри за моими ногами, — говорил он уже другим тоном — спокойным, как будто действительно был учителем.

Савелий выходил в центр коробки. Мяч казался ему слишком круглым — ноги соскальзывали, движения получались неловкими. Он промахивался, спотыкался, однажды даже упал и содрал ладонь.

— Блин... — пробормотал он, поднимаясь.

Кирилл, издал тихий смешок, но Савелий все равно услышал и сам посмеялся с этой ситуации. После он просто подошёл, поставил мяч перед Савелием.

— Смотри, — сказал спокойно. — Не бей сразу. Сначала останови. Вот так.

Он показал — медленно, чтобы Савелий смог повторить. Потом отступил.

— Давай.

Савелий попробовал. Получилось нелепо, но мяч хотя бы не улетел.

— Уже лучше, — кивнул Кирилл. — Давай ещё раз.

Так они и играли. Кирилл учил, Савелий старался. Иногда выходило, чаще — нет. Но Кирилл никогда не говорил «ты не умеешь», «у тебя никогда не получится», «может я буду играть с кем-нибудь другим?». Только: «ничего», «ещё раз», «я тоже сначала так косячил», «это тебе не бокс, ещё раз».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.